

★ А ★ Н ★ Д ★ Р ★ Е ★ Й ★

ТАДЪНДА

КРЫСА

УЛАНОВ

★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★ ★

Крест
на башне

Андрей Уланов

Крест на башне

«Автор»

2004

Уланов А. А.

Крест на башне / А. А. Уланов — «Автор», 2004

Существуют миры, параллельные нашему, где события развиваются немного по-другому. К примеру, Германия не потерпела поражения в Первой мировой войне, а в России не было Октябрьской революции – и к пятидесятым годам XX века облик мира разительно изменился. Лишь люди, которые живут в этом мире, любят, ненавидят и умирают точно так же, как мы. Непрерывающаяся мясорубка страшной многолетней войны перемалывает тысячи человеческих судеб. Немецкий унтер-офицер Эрих Восса и русский офицер Николай Береговой – опытные бойцы, демоны битвы, закаленные в боях ветераны – сражаются по разные стороны линии фронта. Но неумолимая логика военных действий заставляет их пути пересечься...

© Уланов А. А., 2004

© Автор, 2004

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Унтер-офицер Эрих Восса, башнер	6
Вольноопределяющийся Николай Карлович Береговой, ротный фельдшер	9
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	27
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Андрей Уланов

Крест на башне

От автора

Как и большинство альтернативок, эта началась с вопроса: «Что было бы, если?..»

Итак, год 1914 от Рождества Христова, месяц август, точнее, последняя неделя этого самого августа. Усталые, но победоносные германские войска идут вперед, где-то перед ними бредут разбитые в приграничном сражении французы. Англичане уже прикидывают, как будут грузиться на корабли, а в Восточной Пруссии на стол Гинденбурга лег план того, что позднее назовут Танненбергским сражением.

Танненберг они выиграли. Взамен тонкая нить реки Марн перечеркнула строгую красоту шлиффеновских расчетов.

Война продолжалась. Война, подобной которой человечество доселе не знало. Еще предстоял Верден и Ютланд, Брусиловский прорыв и, как итог, вагончик Фоша в Компьенском лесу, но именно в эти августовские дни для Германской империи «счастье было так близко, так возможно...».

Ну а что, если бы... Париж все же услышал грохот пушек фон Клюка?

Мир, который мог бы быть.

Вряд ли он мог стать лучше, честнее, добрее – с чего? Люди ведь те же. Он просто стал бы иным – мир за углом от нашего, мир, свернувший на перекрестке истории.

Наверняка можно сказать лишь одно – те, кто мог бы жить в нем... жили и умирали, ненавидели и любили бы точно так же, как и мы.

Автор благодарит всех участников форумов Vif2NE и «Альтернативная_История», благодаря которым эта книга смогла стать именно такой. Отдельное спасибо – Денису Зимину.

В тексте использованы отрывки из песен В. Высоцкого, Б. Гребенщикова, А. Маршала.

...все выше, жарче, веселей,
Их отблески плясали – два притопа, три прихлопа,
Но вот Судьба и Время пересели на коней,
А там – в галоп, под пули в лоб, —
И мир ударило в озноб
От этого галопа.

Пролог

Унтер-офицер Эрих Восса, башнер

Приползли мы с рекогносцировки обратно в расположение, вылезли на башню – майор сигарету запалил и только мне портсигар протянул, глядь – Ральф Бауман, как из-под земли, рыжей своей, насквозь неуставной бородкой маячит. Вытянулся, откозырял:

– Господин майор, прибыло обещанное пехотное подкрепление.

Не понравилось мне то, как Ральф это сказал. Вольфу, похоже, тоже. Дождлся он, пока я сигаретку стрельну, защелкнул портсигар, в карман спрятал...

– Ну что, – говорит, – пойдем, Эрих, поглядим на союзников, – на землю прыгнул и зашагал, не оглядываясь.

Я помешкал чуть, мозгой пораскинул, сунул сигаретку за ухо да нырнул в люк за «бергманном» своим. Благо далеко тянуться не надо – он у меня к борту аккурат под крышей приспособлен. Достал, затвор продернул, на шею повесил и припустил за майором.

Прошли мы через подлесок, к дороге. Выходим из-за елок – стоят. Два грузовика, три автобуса, гражданских, свежеконтингованных – любят синие с комфортом разъезжать – и две легковушки. Передний автобус – старичок «бээмвэшный», года тридцать восьмого, и возил он, судя по подновленной недавно надписи вдоль борта, детишек в школу церковную. А сейчас на крыше над кабиной пулемет крупнокалиберный торчит, кожух дырчатый в небо задрал. И флаг тряпкой обвис. А флаг этот – я к нему повнимательнее пригляделся и аж с шага сбился! Черный флаг. Сплошь черный, даже одну синюю звездюлину для приличия намалевать не пожелали.

Анархия! Мать, так ее и разэдак, порядка! Вот уж свезло так свезло. Прямо слов не хватает, ни родных немецких, ни русских, что от пленных нахватался.

У социал-интернационалистов, союзничков наших – а, откровенно говоря, нанимателей – по крайней мере хоть какая-то, как говорит Вольф, сверхидея имеется. Та еще, правда, идея: взять да переделить все мировое добро поровну, невзирая на титулы, звания и природную кучерявость и узкоглазость. По мне, так бредовейшая идея. Я на негров этих, не наших аскеров колониальных, вкусивших уже германской культуры, а диких, первозданных, так сказать, во время нашего «африканского турне» вдосталь насмотрелся! А китайцев, к тому же, говорят, еще и много. И что, с ними делиться? Да ну... пусть сначала говорить по-человечески научатся!

Но у анархистов даже и такой идеи не имеется. Полная свобода – твори чего хошь, кого хошь стреляй... беспредел. Обер-лейтенант Фрике, помнится, говорил, что нормальному немцу эта самая анархия органически противна.

Народу во всем этом обозе, считая тех, что уже по кустам разбрелись, сотни три. В форме из них хорошо если четверть, а остальные... ладно бы просто в гражданке, а то ведь один в халате шелковом, другой в смокинг вырядился – а из-под фалд кальсоны торчат. И бабы – одна, две... пятерых я насчитал, а потом у меня от возмущения считалку перехватило.

– Вольф, – повернулся я к майору, – это ж издевательство натуральное! Этот сброд... патроны тратить жалко, разве что на гусеницы намотать!

– Спокойно, Эрих, – процедил сквозь зубы Кнопке, – не будем судить по внешнему виду, – и недобро так ухмыльнулся.

Охранения, понятное дело, эта гопя никакого не выставила – мы почти до дороги дошли, пока нас одна девка не засекала, да как завизжит, бутылкой тыча:

– Кайзерцы! Гляди, братва, кайзерцы!

Как они сразу затворами защелкали...

Вольф остановился, затянулся напоследок, окурок аккуратно так каблуком сапога при-топтал и спокойно, вроде бы и голоса не возвышая, поинтересовался:

- Кто здесь есть командир?
- Точно, кайзеровец! Гля, говор какой!
- А сам-то ты откуда такой красивый выполз?
- Хлопцы, а может, того... стрелнуть?
- Кто здесь командир? – повторил Вольф.

Тут у монастырского автобуса задняя дверь разъехалась и выпала из него на свет божий троица, один другого колоритнее. Первый – боров, метра под два, выше пояса из одежды только ленты пулеметные крест-накрест, сам пулемет небрежно так на плече одной лапой держит, пузо, как у этих... самурайских... борцов сумо, и сплошь татуировками разрисовано, прям хоть свежуй и на стену гобеленом вывешивай. Второй – в шляпе стильной, плаще легоньком цвета мокрого асфальта и шарфике. А шарфик тот не из парашютного шелка, а модельный, по виду марок на полсотни тянет, довоенных, понятно, руки в карманах плаща держит, и оттопыриваются карманы при этом квадратно так. Ну а третий, между ними – с ног до головы в черной джинсе, сутулый, все время под ноги глядит, словно пуще смерти споткнуться боится. И лет ему не-пойми-сколько. Бывают такие – глядишь в упор и все равно не поймешь, то ли он уже четвертый десяток разменял, то ли ты с ним ровесник без малого.

Подошли они к нам шагов на пять, боров нас взглядом смерил, презрительно так скривился – ну да, из такого, как он, если по живому весу считать, троих майоров наделать можно, а уж Эрихов и вовсе штук пять выйдет и еще взводный суточный мясной паек останется – и гнусаво:

- Кто ето тут вякает?

Вольф мне чуть кивнул – сам-то он хоть и понимает почти все, но в разговоре запинаятся, – только я уже и без его кивка рот открывать начал.

– Во-первых, не вякает, а желает разговаривать командир имперского отдельного тяжелого панцербатальона майор Вольф Кнопке. А во-вторых, не с тобой, а с командиром... вашим.

У борова аж челюсть отвисла. Подобрал он ее кое-как, захлопнул... Аж голос сиплым стал.

- Ты, сопляк... я таких...

– Найн! – перебил я его. – Это я таких, как ты, за последние пять лет выше крыши навидался – когда они, оружие побросав, с поднятыми руками из нор выползали.

- ...за шею... голыми руками... мне сам генерал Митрохин...

– Что ж, – ехидно так поинтересовался я, – ты своих геройских знаков отличия не носишь? Шкура вон какая дубленая – целую панораму изобразили. Пришпилил бы к брюху да ходил, медальками звеня, так все бы видели и слышали – герой идет.

За спиной у борова как грохнули со смеху – он на них оглянулся, побагровел, шагнул...

– Довольно, – вроде бы негромко это сутулый сказал, а гогот и ржанье враз как обрезало. Боров же и вовсе на слудый шарик стал похож – побледнел, обмяк и тихо так забормотал:

- Батько, я ж токо...

Сутулый в его сторону даже не покосился. Подошел к нам вплотную, глаза от земли поднял... глянул я в его ледышки тусклые, и пальцы сами собой к затворной коробке потянулись. Доводилось мне людей с неприятным взглядом встречать, один гауптман Раух чего стоил, но *такого*... не знал я, что у человека такой взгляд бывает, а уж тем паче, когда он на другого человека смотрит. Помню, возили нас в школе перед самой войной в зоопарк, на экскурсию, так в тамошнем гадюшнике, террариуме то бишь, гады эти, кайманы и прочие змейства – и то, по-моему, друг на дружку по-иному заглядываются. Сутулый перевел взгляд на Вольфа.

– Атаман боевого отряда Союза черкасских анархистов Николай Давыдович Шмель, – представился он, – весьма рад знакомству с вами, господин майор, – и руку протягивает.

Вот уж чего я даже за неделю усиленного пайка не стал бы – так это руку ему пожимать. Это ж хуже, чем на плевок попасться – дня три будешь дерганный ходить, слизь невидимую оттереть пытаться!

А Вольф – пожал. И не замешкался ни на миг, и ни одна жилочка у него на лице при этом не дрогнула. Перчатку, правда, так и не снял.

– Взаимно, господин Шмель.

Вольноопределяющийся Николай Карлович Береговой, ротный фельдшер

Не знаю, что этот танкист пытался высмотреть в деревне. Поручик Марченко со своими должен был затаиться еще пять минут назад, при первых же звуках двигателя. А больше в деревне смотреть было абсолютно не на что, несмотря на всю поспешность своего драпа, селяне прихватили, кажется, даже мышей из распахнутых настержь амбаров. Однако он глядел именно на деревню, долго, упорно, и я уже почти начал клевать носом, три часа беспокойного сна никак не могли скомпенсировать двух предшествовавших бессонных суток. Наконец бронированный монстр взвыл и, пятясь, уполз на обратный скат холма. Потом завывания стали удаляться, причем, на мой вкус, они делали это слишком быстро для виденной нами туши столь внушительных размеров, если я, конечно, не перестал что-либо понимать в делениях бинокля. Правда, одолженный бинокль был далек от привычного «цейса» – невзрачный «никон», скорodelьная игрушка от наших японских друзей, а с них станется и шкалу привести в соответствие со своими антропометрическими особенностями.

На мой вопрос, доводилось ли ему прежде видеть подобное чудо, лежавший рядом фельдфебель Антонов вначале принялся расстегивать воротник гимнастерки с такой лихорадочной поспешностью, словно тот уподобился Лаокооновым змеям. И лишь совладав с непослушной пуговичкой, хрипло поведал, что не только видит, но и слышит оногo монстра первый раз в жизни, хотя за годы войны довелось наслушаться всякого.

В этом я был с ним солидарен – тон голоса данного представителя бронированной разновидности членистогусеничных настолько отличался от обычного рева его собратьев по классу, что в первый момент навел меня на мысль о новом психическом оружии синих.

Затем Антонов осведомился, не разглядел ли чего я, и на этот раз отрицательно кивать выпало мне. На камуфлированной шкуре чудища не было приевшегося нам «обрезанного могоендовида», как ехидно поименовал сей символ капитан Викентьев, которым наши противники так любят украшать доставшуюся им технику, малюя его порой в самых неожиданных местах. Лишь в правом верхнем углу бокового листа башни я разглядел выбивающееся из общего строя пятно, скорее всего, тактический значок части. Однако расстояние и угол обзора не позволили мне идентифицировать его со сколь-нибудь приемлемой точностью.

В принципе, этот вынырнувший из подсознательных кошмаров противотанкиста монстр мог принадлежать кому угодно. Хоть нашим бывшим союзникам, хоть марсианам. Правда, в случае последнего варианта внешний вид, униформа и снаряжение обитателей Красной планеты удивительным образом схожи с нашими. Однако, освежив в памяти завет достопочтенного Окамма насчет неумножения сущностей, кое-какие схемы маскировочной окраски, а заодно полутораговой давности сводки разведотдела Генштаба, повествовавшие о последнем порождении мрачного тевтонского гения – Der Überschwere¹ танк прорыва, – я оставил в сухом остатке самый вероятный и, увы, весьма неприятный для нас вывод.

Нам предстояла встреча с бравыми ребятами из корпуса Линдемана.

Конечно, все могло обстоять и не настолько плохо – в условиях нынешнего бардака одиноким экземпляром кайзеровского вундерваффе запросто могли завладеть и какие-нибудь хваткие синие, сумевшие сохранить оный экземпляр в относительно сносном состоянии. В пользу этой версии говорило то, что рекогносцировка, вообще-то, не самое привычное занятие для тяжелого танка. Эти большие толстошкурые создания – не без оснований – мнят себя на сцене под названием «поле боя» звездами первой величины и предпочитают появляться

---

¹ Сверхтяжелый (нем.).

на нем только после проведения соответствующей подготовки публики – хорошего артналета, бомбежки – и в сопровождении свиты. Но лично я всегда предпочитал исходить из худшего – лучше быть приятно разочарованным впоследствии, когда твои пессимистические прогнозы не сбудутся, чем... Впрочем, чем кончают на войне оптимисты, известно и так.

От этих тягостных размышлений меня отвлек голос Игоря Овечкина, который приказывал Антонову отправиться в деревню и сообщить ребятам Марченко, что они могут, только потихоньку и внимательно глядя по сторонам, начинать дышать, а самому поручику срочно явиться во второй взвод. Сам же штабс-капитан направился в палатку радиста, надо полагать, поведать командованию о появившихся на горизонте неприятностях.

Не то чтобы я всерьез надеялся, что полковник Леонтьев сможет чем-то помочь: при всех несомненных талантах его высокоблагородие пока не научился жестом индийского факира вытряхивать из фуражки батарею ПТО или турбокоптер. Но элементарная добросовестность требовала предупредить, что нас вот-вот начнут наматывать на гусеницы, ибо когда сей прискорбный процесс действительно начнется, времени на разговоры не будет, а после...

Впрочем, когда помрачневший штабс-капитан пять минут спустя покинул палатку, я все же счел нужным поинтересоваться у него полученными новостями.

Как оказалось, командование решило поддержать наш боевой дух, пообещав связаться со штабом дивизии и попытаться выбить либо хоть какую-нибудь поддержку, что проходило по разряду ненаучной фантастики, либо разрешение на отход. Последнее звучало более заманчиво... но с учетом того, что большую часть нашего обоза составляли две дюжины реквизированных телег, но реальность сводилась к математической задаче для гимназистов третьего класса: успеют ли гужевые повозки из пункта А добраться до пункта Б, если отправившийся вдогонку за ними танк...

Изложив эти, с позволения сказать, «новости», Игорь окинул меня очередным угрюмым взглядом и предложил пройти с ним во второй взвод, дабы поучаствовать в совещании в качестве непредвзятого – намек на полнейшее якобы отсутствие у меня военной жилки – наблюдателя.

Позднее, вспоминая эту деталь, равно как и другие схожие мелочи, я начал подозревать, что штабс-капитан Овечкин засомневался в моей маске уже тогда, в первые месяцы нашего знакомства, хотя, казалось бы, я держался избранной роли «на все сто». Уверен, даже мои бывшие сослуживцы вряд ли сумели бы опознать в вечно сутулящемся, с характерной бородашкой и непременных очочках интеллигенте прежнего щеголеватого подполковника.

Тот, Сергей Карлович Береговой, подполковник Генштаба, как казалось мне тогда, и в самом деле погиб, втоптанной озверелой солдатской толпой в осеннюю малороссийскую грязь, – в этом я почти не кривил душой, разговаривая с пришедшими за ним офицерами. Равно как и не грешил против истины, говоря о том, что могу быть полезен им лишь в качестве медика низшего звена: мой старший брат, прежде чем окончательно определиться в жизни, когда-то, пойдя по стопам нашего отца, закончил первый курс медицинского, ну а я был уверен: сын врача, живо интересовавшийся в детстве подробностями папиной работы, всяко сумеет справиться с нехитрыми обязанностями ротного «дохтура».

Было бы хуже, если бы они попросили меня нарисовать что-нибудь, – по сравнению с развешанными по дому работами Николая моя мазня выглядела настолько жалко, что я мог бы разве что пенять на нервное потрясение от его смерти. Но – не пришлось!

Чего я никак не мог понять – так это что вообще могло найтись в этой деревушке такого ценного, чтобы оправдать хотя бы потраченное тяжелым танком горячее, не говоря уж о возможном расходе сверхценных боеприпасов? Проходящий сквозь нее проселок даже не второ-, а третьестепенного значения? Не смешите мои тапочки!

Во втором взводе царила полнейшая идиллия, выражавшаяся в том, что господа офицеры изволили возлежать вокруг фуражки поручика Марченко и аппетитно хрустеть извлекае-

мыми из оной грушами. Вопиющее падение дисциплины на лице, как любил, бывало, замечать мой знакомый подполковник Галкин. Однако штабс-капитан счел возможным ограничиться – невзирая на протестующие охи! – дисциплинарной мерой в виде конфискации фуражки, после чего предложил присутствующим высказываться.

Начало высказывания комвзвода-2, в котором он изложил свое видение обстановки, было кратким, состояло в основном из эпитетов и печати не подлежало. Что же касается наших дальнейших перспектив, то они, по мнению лейтенанта, сводились к двум вариантам: мы могли поступить как разумные люди и спокойно отойти в очень кстати подвернувшееся в километре за нами болотце. Или же героически – читай, идиотски! – лечь костями на занимаемых позициях, нанеся противнику ущерб в виде десятка-другого чешуек отлетевшей от брони краски.

Трусом лейтенанта Волконского мог бы назвать лишь человек, никогда не видевший бывшего моремана в бою. Однако на этот раз даже мне показалось, что Николай зашел в своем цинизме слишком далеко.

Того же мнения, похоже, придерживался и третий, самый юный из имеющих у нас офицеров, – прапорщик Дейнека. Он ехидно, насколько это получилось с его забавным ломким голоском, осведомился у лейтенанта, сознает ли он, что для драпа через болото роте придется бросить весь обоз и тяжелое вооружение? А если сознает, то, может, заодно и припомнит, как «хорошо» нам приходилось без этого вооружения прежде и какой крови стоило его добыть?

Лейтенант ничуть не смутился этим вопросом, возразив, в общем-то, резонно, что люди, которые сумели добыть оружие однажды, вполне могут повторить сей подвиг вторично, тогда как мертвецы на это уже не способны. Заодно он предложил прапорщику просветить его на следующую тему: что из этого, столь лелеемого им, «тяжелого вооружения» способно занять кайзеровцев на большее время, чем тратит затвор танковой пушки на досылание снаряда в ствол?

Прапорщик начал было лепетать о стрельбе по ходовой и приборам наблюдения, но, оглянувшись, увидел, что направленные на него взгляды даже не насмешливые, а жалостливо-сочувственные, и, смешавшись, замолчал.

Оставался Марченко – и мнение этого спокойного, флегматичного сибиряка было мне весьма интересно. Ибо Вадим – как и я! – был настоящим кадровым, еще довоенной закалки, офицером, а таких во всем полку можно было пересчитать по пальцам, уже не прибегая к помощи ног.

На этот раз комвзвода-1 молчал так долго, что я уж начал гадать, что раздастся первым: его голос или давешний вой танка либо иной признак начавшейся атаки. Однако господа кайзеровцы с удивительной щедростью продолжали отмеривать нам дополнительные минуты жизни. Возможно, дело было во времени суток – по их регламенту как раз на эти часы приходился обед. Или же перед атакой должно было непременно состояться торжественное зачитание ихнего социал-интернационалистического Талмуда... хотя этому пороку господа из корпуса Линдемана вряд ли подвержены.

Когда Марченко, наконец, заговорил, то первые же произнесенные им слова озадачили меня больше, чем вид давешнего камуфлированного чудища. Давненько мне уже не приходилось слышать от поручика иных определений местности, нежели «пригодная к обороне» или «неважный сектор обстрела». А тут – «красивая»...

Местность и впрямь была красивая и для последнего – самого последнего! – боя подходила вполне, в этом я был с Вадимом согласен. Предложенный же им план... не то чтобы он мне очень понравился, но с ним у нас появлялся хоть какой-то шанс приложить напоследок синих и их кайзеровских камрадов, а при иных раскладах не было и этого.

Атака началась ровно в три или же, как любил вьедливо уточнять лейтенант Волконский, в 15–00. Кстати, позднее Николай пытался уверить меня, что на его морском хронометре было

уже две минуты четвертого, но коли приходится выбирать между его заслуженными ходиками и немецкой педантичностью...

Все произошло очень быстро. Над полем разнеслось уже знакомое нам завывание, и из-за пригорка дружно вынырнули, расходясь веером, четыре танка. За ними появилась стрелковая цепь.

Собственно, после сверхтяжелых кайзеровских танков я бы ничуть не удивился появлению «семерок» с мотопехотой. Однако неторопливо бредущая за танками стрелковая цепь оказалась, что называется, местного разлива, причем даже более сбродная, чем обычные синие. Видимо, это был какой-то «партизанский отряд» или, попросту говоря, банда, которую командование соц-нациков решило использовать в качестве расходного материала.

Второй и третий танки, настороженно поводя тонкими хоботками спаренных стволов, остановились метров за пятьсот от окраины деревушки. Фланговые же продолжали медленно ползти вперед, обходя ее и подставляя свои борта нашему второму пускачу. Затем пехотная цепь миновала замершие танки, и почти в тот же миг надсадный вой перекрыла заливиная трель пулеметной очереди.

Тянулась она нескончаемо, по крайней мере субъективно для меня, хотя на самом деле отстрелять короткую, в полсотни патронов, ленту – дело нескольких секунд. Синяя пехота мигом зарылась носами в траву, норовя задним ходом отползти поближе к танку... Пулемет замолк, и я начал тихонько отсчитывать враз пересохшими губами: раз, два, три, четыре... на счет «четыре» хижина, из которой велся огонь, исчезла в вихре дыма и пыли, из которого во все стороны летели доски и горящая солома.

Дым от хижины, точнее, от двух хижин, разнесенной взрывом и соседней, потянулся просто замечательный. Густой, черно-серо-желтый... вот последняя дымо-шашка была, наверное, все же лишней.

Следующим номером нашей программы было сольное выступление комвзвода-2 – и бывший моряк с блеском доказал, что надпись «За отличную стрельбу» присутствует на крышке его хронометра отнюдь не безосновательно. Всадить ракету в борт танка с семи сотен саженей – задача непростая сама по себе. А уж если эта ракета подверглась доморощенному «усовершенствованию» путем заливания в боеголовку полуканистры бензина... Но взметнувшееся над танком пламя того стоило.

Вторую ракету Николай «положил» в борт ближнего танка. Взрыв был хорош, но когда танк выскочил из дымного облака, я разглядел, что единственным пострадавшим элементом была кровать – одна из шести приваренных к фальшборту в расчете именно на таких, как мы, любителей кумулятивных забав.

Раз, два, три – на хлипкий кустарник, в ложбинке за которым притаился наш пускач, обрушилось не меньше полудюжины снарядов. Кайзеровские стрелки продемонстрировали отличную выучку. Вот только для этого им пришлось отвернуть стволы от деревни, а как раз в этот момент Марченко счел, что устроенная им дымзавеса стала достаточно густой. В лотках у поручика было пять ракет, и тратить их понапрасну сибиряк любил не больше Волконского.

Итогом его стрельбы стала распоротая гусеница второго танка и заклиненная башня – по крайней мере это был единственный, что я отфиксировал визуально, – третьего. На этом список наших домашних заготовок заканчивался, и слово переходило к противнику.

Поначалу они оправдали наши лучшие надежды, даже не попытавшись прикрыть избиваемые танки огнем, вражеская пехота дружно качнулась назад... и снова уткнулась в траву, когда блеклые в дневном свете красные нити трассеров нарисовали ей не требующий дополнительного перевода стоп-сигнал.

Трассы тянулись от первого, правофлангового танка. Выглядел он жутковато – вместо прежнего камуфляжа на черноте сторевавшей краски четко выделялись белые потеки огнетушителя.

Затем в небе родился пронзительный сверлящий звук, и воздух вокруг меня взорвался.

Часть первая

Глава 1

Унтер-офицер Эрих Восса, башнер

Фриц-Баварец как из-под земли объявился. Я только-только брезентик в тени, под ябло-ней, раскинул, растянулся, думал покемарить какой часок с набитым брюхом – и на тебе.

– Эрих, а, Эрих. Пойдем в город.

– Нет.

– Пойдем, Эрих, – начинал канючить Баварец. – Давай.

– Отвали, – лениво проговорил я, – дай отдых человеку.

– Ну Эри-их...

– Отвали. Не ной над душой. Никуда я не пойду. Что, спрашивается, я в том городе не видел? Пару улочек загаженных? Кой черт ноги топтать?

Название одно чего стоит – Ко-но-топ! Спрашивается, может приличный город Коното-пом называться? Да ни в жизнь!

– Ну как же, Эрих, – Баварец на корточки передо мной присел, по сторонам зыркнул и маслено так подмигнул. – Базар же там... ребята из ремроты, что вчера ходили, говорят, шнапс – сущие гроши. И девки.

Вот в этом-то и весь наш Баварец. Ему какую хошь трепанацию производи – в башке только «Тема Раз»².

Выпивку и баб где угодно отыщет. Даже в Антарктиде, небось, оставь его на час-другой – уже с пингвинихой снюхается и из яиц коктейль сварганит. Ну и где чего схомячить, по этому делу он тоже всегда в первых рядах галопом несется.

Помню, как он в нашем батальоне появился, толкая перед собой детскую коляску, зава-ленную всякими ящиками и чемоданами. Шел первый месяц Развала, неразбериха полная. Никто ведь поначалу не верил, что эти восставшие всерьез чего-то добьются. Армия вторже-ния, как же... откуда на шестом году войны «из ничего» хоть корпус полнокровный взять... насобирали сброд недоделанный. Плюс первая десантная дивизия – тоже та еще «краса и гор-дость». Те добровольцы, что до войны за нашивки с парашютом по десять на место ломились, еще в первый год легли, а на их место присылать стали... всяких... по ком прежде конголезские болота кандалами звенели. Экономия, мать их так: зачем свои патроны тратить, когда первую волну все равно под ноль выбивает.

Десантура, собственно, все и решила. Если основная масса это порох был, да и то полу-сырой, то первая десантная даже не искрой сработала – детонатором! Народ в ней собрался отчаянный, терять им, кроме подрасстрельных статей, было нечего, и рвануло!

Не приняли их всерьез вовремя. Ну, взбунтовалась рота-другая... ну полк – так не пер-вый раз... что, вся дивизия? А даже если и дивизия... мы ж все-таки не Англия – империя!

Сдается мне, сам Его Величество Кайзер тоже так думал. Можно ведь было с фронта войска снять. Да что там с фронта, в самой Германии частей множество: училища всякие, переформирующиеся, флот опять же...

Не стали... не захотели трогать. Решили, что с мятежниками фельджандармерия спра-вится. Ну а десантнички ждать не стали и разбегаться по кустам тоже. Прорвали кольцо –

---

² Thema Eins – «Тема № 1» – секс.

жандармерия против техники, пусть и легкой десантной, не сыграла – и рванули напрямик на Ставку. Где и поприветсовали Его Величество... из пяти стволов.

А с гибелью кайзера все рухнуло в одночасье.

Уверен, не будь у нас Вольфа, растаял бы батальон за пару дней. Как та пехотная дивизия, что перед нами стояла. Помню, я тогда нескольких на дороге остановил, спрашиваю: «Ну куда вы, сучьи дети, идете? Домой? Так до того дома...» – «Ну, так все ж идут – и мы идем». Массовое помешательство – вот что это было.

Но еще был Вольф Кнопке, который еще молоденьким комроты вывел, за шиворот выволок, как из горящего панцера тащат, нас из гомельского котла. Ему верили. И когда он сказал, что бросать все и уходить – это чушь, это бред, хуже, чем безумие, остались многие. Больше половины.

И мы стали одним из островков порядка посреди черт знает чего. К нам начали присоединяться одиночки вроде Фрица или даже целые подразделения... Нынешний начштаба батальона, обер-лейтенант Фрике, помню, четыре танка привел. Потом мы услышали про Линдемана.

Я на бок перевернулся, зевнул.

– Дурак ты, Фриц, и мысли у тебя в баварской твоей башке дурацкие. Думаешь, здешние девки у ассистент-доктора еженедельное освидетельствование проходят? Ну, шевельни мозгой хоть немного: раньше-то ты за такую забаву две недели лазарета мог схлопотать, а сейчас? С антибиотиками-то у нас – задница! Только для тяжелораненых, и то по личному приказу господина Баруха.

– Нет, Восса, я не дурак, – похлопал по карману Фриц. – Я умный. Помнишь, третьего дня с долговязым зенитчиком играл? Две пачки резинок он мне продул, наших, армейских. Хочешь, тебе дам. За так.

Карман у него и впрямь набитым выглядит. Занятно... я-то свои обычно на курево вымениваю или на плитку лишнюю. Не вызывали у меня наши военно-полевые бордели особого подъема... соответствующих мыслей и органов. Пару раз посетил... конвейер конвейером.

Только «за так» Баварец лопату снега зимой не подкинет, непременно взамен чего-нибудь стребует. Значит, нужен я ему зачем-то... а зачем?

– Ну, Эрих, решайся, – забормотал Фриц. – Я уже и с Клаусом договорился, на грузовике поедem, как люди.

А я тем временем сообразил, что есть приказ господина оберста о том, чтобы солдат из расположения части выпускали не иначе как тройками. То-то Фриц и дергается, и суетится. Клаус ему транспорт обеспечит, а я... а я ему проход обеспечу, потому как старшим на посту сегодня обер-лейтенант Циммерман, и Баварца он знает как облупленного. Но со мной, майорским любимчиком, выпустит. По крайней мере Фриц на это всерьез надеется.

Такие, значит, пироги с вишней...

С одной стороны, лень мне, конечно, куда-то тащиться, но с другой – делать-то все равно особо нечего. И когда еще случай выпадет Баварца потрясти. Обычно-то не он к тебе, а ты к нему на поклон: «Фриц, достань то да се».

Сел я, зевнул опять.

– Ну и что дашь?

– Я ж сказал, резинок, – Баварец полез было с клапаном карманным возиться. – Пачку, почти непочатую...

Во дает! В пачке той три штуки по норме – это сколько тогда у него в «почти непочатой»?!

– Нет, оставь. Себе можешь хоть всю пачку за один раз натянуть, а мне чего-нибудь полезное обеспечить!

– Хочешь, деньгами возьми?

– Это новыми, что ль? – уточнил я. – Спасибо, этого... добра и своего хватает. А надо будет – я себе сам еще нарисую.

Денег этих мне и впрямь девать было некуда. Конвентчики тут как раз очередную... как же это господин майор назвал? А, эмиссию провели – ну и нам за два месяца вывалили. Банкнота раза в два больше марки, и таких – пачка в палец, еле-еле в карман упибал. Но сама денюга, по совести говоря... бумага дрянная, краска синяя – в трех оттенках. Пока номинал разглядишь, глаза сломаешь, да и рисунок... в общем, поглядел и решил, что избавляться от них надо поскорее, пока совсем в пипифакс не превратились.

Кстати, насчет нарисую я почти и не шутил: год назад двое писарей на штабном рота-принте отпечатали сотню листов каких-то совсем уж левых бумажек. Помню, с одной стороны там имперский орел был, с другой – портрет какого мужика, чуть ли не самого Хасселя, ну а номинал нужно было от руки дорисовывать. Сколько не лениво, столько нулей и рисуй. И, что самое забавное, брали «купюры», и неплохо... хотя с другой стороны, когда тебе стволom в пузо тычут, и не такому рад будешь.

– Злой ты, – тоскливо вздохнул Баварец и нехотя так лямку сумки с плеча скинул. – Нет, чтобы просто боевому товарищу помочь.

– Давай-давай, – подбодрил я его. – Боевой товарищ... с набитой сумкой. Как только она у тебя, Баварец, не лопнула еще...

Покряхтел он еще, сунул лапу в мешок, поелозил и достает – что б вы думали, – пачку «Кельна»! Пусть не большую, а малую, ту, где двенадцать сигарет, но все равно – целая пачка «Кельна», запечатанная, собор на лицевой, все как полагается. Я аж привстал. Да, думаю, за такое уважить надо.

– Вот, это – другой разговор. А то... резинки...

– Клаус через десять минут выезжает, – Фриц, как сторговался, сразу по-другому заговорил, нотки командные в голос подбавил: – Иди переодевайся. Ждать тебя будем на выезде. И машинку возьми.

– На кой? Что, на кур с «бергманном» охотиться будем?

– Для солидности, – пояснил Баварец. – Без машинки выглядишь ты, Восса, сопляк-сопляком, а с «бергманном» уже и за человека сойти можешь. Если издалека и не присматриваясь.

Я встал, пальцы большие за ремень засунул, поглядел на него... спокойно – вспыхнул Фриц, как бензобак, глаза свои водянистые опустил.

– Так, может, мне сразу зенитный с турели содрать?

– Хоть кобуру нацепи, – пробормотал, не поднимая глаз, Баварец. – Она ж тебе по форме положена.

И то верно.

– Уговорил.

Сходил, переоделся. Выхожу к дороге – грузовик уже стоит, Фриц из кузова выглядывает, чуть ли не приплясывает от нетерпения. Меня увидел, чуть не выпал.

– Ну, где ты там?! Давай в кабину, живо... время же!

Добрый он сегодня, прямо на удивление. Место в кабине уступил... чтоб, значит, рожей своей баварской на посту лишний раз не светить.

Городок оказался, как я и думал, так себе. На улицах, правда, в основном, патрули синих, пару раз даже наш грузовик тормознуть пытались! Смех – орут чего-то, а Клаус, знай себе, на клаксон, да на газ. И ничего... кишка у них тонка, кайзеровский грузовик тормозить.

А местных почти не видать. То ли они от мотора по норам разбегаются... пару раз только какие-то штатские попались, да и те к стенам жмутся, голову в плечи по самую макушку, а на роже бледной из мыслей только: «Лишь бы не шмальнули!»

В городах, даже таких, полусельского типа, как Конотоп этот, по нынешним временам жизнь не так чтобы весела. Они и в войну-то по большей части на пайковые карточки жили...

Не знаю, как по русской, а вот по нашей имперской карточке уже на второй год в неделю столько калорий выходило, сколько раньше за воскресным столом съедали.

А уж когда Развал пошел, централизованное снабжение медным тазом накрылось, народ из городов и вовсе разбежаться начал, на манер тараканов. Сильно далеко они, правда, тоже не убежали... в деревнях своих ртов хватает.

Где тут, интересно, Баварец девок собрался искать?

И только я это подумал, как Фриц по кабине заколотил.

– Стой!!! Тормози! Назад, а то проехали.

Я дернулся стекло опустить, потом сообразил, что у «Цверга-трехсотпятюго» со стороны пассажира стекло отродясь не опускалось: модель военного времени, упрощенной конструкции, вошь ее забодай! Распахнул дверцу, высунулся... точно, маячит у подъезда стайка попугайской раскраски. Ну и глаз, однако, у Фрица, когда не по делу! В башню бы его, цели выискивать! Может, и впрямь Вольфу стукнуть? Если его к хорошему командиру определить, такому, чтобы успевал вовремя по жирному баварскому затылку пистолетной рукояткой приложить...

А Фриц от нетерпения аж пляшет в кузове – Клаус еще заехать на тротуар толком не успел, как он на землю сиганул.

– Парни, – орет, – последний раз спрашиваю, пойдете?

Мы с Клаусом переглянулись – и на рожах наших такое одинаково безгливое выражение нарисовалось, что Фриц даже побагровел слегка. Сплюнул, пробормотал:

– Ну и хрен с вами.

– Восса... сходи хоть, переведи!

Пошли. Сутенер нам уже навстречу семенит. Классический такой сутенер, усики маленькие, прилизанные, волосы тоже прилизанные бриолином, пиджачок кургузый, клетчатый. И бижутерия на пухлых пальцах, кило на два фальшивого золота.

– Что угодно офицерам доблестной кайзеровской армии?

Офицерам, как же... да будь рядом хоть лейтенантишка паршивый, этот пухлик на нас бы и глядеть не стал!

– Мне, пожалуйста, – говорю, – ананасов в земляничном соусе полкило заверните.

– А? – Сутера словно кувалдой по лбу приложило. Но оправился быстро, заулыбался... Маслено так...

– Господа офицеры изволят шутить? Это хорошо. Сейчас наши девочки развеселят вас еще больше. У нас большой выбор, и, прошу заметить, почти все – не какие-нибудь малограмотные селянки, а настоящие аристократки, вынужденные, – тут он так натурально всхлипнул, я уж почти решил, что и впрямь слезу пустит, – зарабатывать себе на жизнь и пропитание столь нелегким ремеслом.

– Чего он там бормочет? – осведомился Баварец.

Перевел я кое-как... гляжу – Фриц еще больше завелся, чуть ли не подпрыгивает от нетерпения.

– Спроси, – заорал мне прямо в ухо, словно не рядом с ним стою, – есть ли у него баронессы? Всю жизнь, понимаешь, мечтал баронессу отыметь!

– Разумеется... – кивает сутер. – Две баронессы, три княжны, две графини, две маркизы. Даже герцогиня одна имеется.

Тут уж я не выдержал, вмешался:

– Слушай, ты ври, да не завирайся. Откуда у вас, в России, герцогини?

– Из Франции, – сутер глазом не моргнул. – Эмигрантка, наследница...

Мне совсем противно стало. Сразу на командирский тон пробило.

– Заткнись! И строй своих аристократок в шеренгу по росту!

Выстроил он их. Выбор и впрямь большой – дюжина девок, разнокалиберных, как ведомость у интенданта. Фриц сразу потребовал, чтобы ему баронесс показали, выбрал ту, что повыше, и потащила она его куда-то в подъезд.

– А вы, господин офицер? – обратился ко мне сутенер. – Кого предпочитаете?

Ответил я ему... Не так, чтобы очень энергично, лень было на эту гниду силы тратить, а простенько, в три этажа с двойным загибом, и к грузовику пошел. Облокотился рядом с Клаусом, вытащил пачку из кармана, полюбовался еще раз на собор, прикурил от Клаусовой самокрутки – любит он такие здоровенные самопалины сворачивать, что хоть дымзавесу от них ставь, – и стал смотреть, как пузан свое подразделение муштрует.

Клаус затаился, облако выдохнул.

– Что это вы там про аристократию разорялись?

– Да брешет этот урод, – кивнул я на сутенера, – что у него шлюхи, в какую ни плюнь, все сплошь княгини да графини. Фрицу вон баронессу сосватал.

– Ну, – задумчиво говорит шофер, – та баронесса, что баварец повел, разве что у себя в халупе с земляным полом баронствовала. Только одно жемчужное зерно в этой навозной куче имеется. Видишь во-он ту малышку?

– Которую пузан как раз сейчас материт? – уточнил я целеуказание. – Вижу. А с чего ты взял, что она из здешних фонов будет?

По мне, так ничего в девке этой особенного не было. Кроме, разве что, возраста. Блондиночка, худенькая такая, невысокая, чуть курносая... волосы в две косички заплетены, в правой красный цветок, в левой – белый. Женщина типа «мини», уменьшенная, так сказать, модель. Хотя нет, это личико у нее как у взрослой, а если мордашку эту серьезную отминусовать, она и на девку-то не потянет. Так, девчонка малолетняя. Таким бы с куклами еще... ну да у нас в доме и помоложе работать начинали. И не только полы мыть, но и в «веселом квартале» тоже. Трущобы... сколько белые занавесочки на окнах ни крахмаль, заплаток на платье от этого меньше не становится.

– Я, – прервал мои размышления Клаус, – малыш, перед войной семь лет личным шофером графа Реке работал. Насмотрелся. Порода, это, знаешь ли... заметно. Только сломается она скоро. Была б постарше чуть – может, и выдержала бы, а так... спорим, через две недели приедем, не будет ее здесь?

– Через две недели нас здесь не будет.

– Тоже верно. Эх, Эрих, – Клауса, похоже, как русские говорят, на *ностальджи* потянуло, – видел бы ты, какая у меня машина тогда была. «Бенц» ручной сборки, салон хромовой кожи, сиденья...

И в этот момент сутенер размахнулся и как врежет девчонке той по лицу. Ах ты сволочь, думаю, у него ж колец по весу, как на кастет хороший...

Девчонка от этого удара на пару метров отлетела, на спину шлепнулась, а когда привстать попыталась и руку от лица отнять, пузан подсеменил и небрежно так ногой ее... даже не то чтобы пнул, а словно подошву вытер.

А я как увидел у нее на лице мазок кровавый, яркий – и в голове будто бризантный рванул!

Помню, как подбежал и первый раз ему врезал – с налету ботинком. Ботинки у меня хорошие, Ральф Бауман их с убитого горнострелка снял. А следующее, что помню, – сутер на земле свернулся, подвывает тоскливо, а рядом со мной Клаус стоит и руку мою удерживает, которой я из кобуры «штайр» тащу.

– Не надо пулю об него пачкать. – В его голосе прозвучало такое ледяное спокойствие... Мне даже не по себе стало.

– Мне не жалко!

– Нет, – мотнул головой Клаус. – Пуля – это честная смерть. Не для такой мрази.

– А чего с ним делать? Пинать уже достало. Может, на проезжую, да грузовиком по нему взад-вперед?

– Зачем такие сложности?

Клаус усмехнулся и кивнул на соседний столб. А со столба провод болтается, оборванный до середины, как раз кузовом под него подъехать.

– Хорошая мысль.

Я наклонился, осторожно так, чтоб не запачкаться, полу пиджака сутерского отогнул, бумажник из внутреннего кармана выудил, толстый бумажник, плотно набитый, купюры с обоих концов веером разноцветным торчат. Открывать не стал, так и кинул девкам под ноги.

– Поделите, а то пока нового козла себе найдете...

Схватил за воротник, поднял рывком – Клаус уже подруливает – и только собрался в кузов закидывать, глядь – откуда ни возьмись, синий патруль! Легок на помине, что называется! Три рыла, одно другого небритее, в шинелишках пехотных. Двое с карабинами, третий с ручником наперевес. Ручник непривычный, не с диском, как стандартный русский, а с магазином сверху. Английский, что ли, из союзнических поставок?

– Что происходит, камрады?

– Да вот, – весело так отозвался. – Сутера вешаю. Помочь хотите?

Переглянулись они ошарашенно – и сгнули, как ветром сдуло.

«Хрен с вами, сам справлюсь», – почему-то весело подумал я.

Закинул тушу пузана в кузов, сам следом запрыгнул, врезал ему промеж ног на всякий случай, чтоб не трепыхался. Примерился, ножом лишние полметра провода отхватил, руки за спиной связал, потом шею захлестнул, двойным узлом затянул, а Клаус уже газ давит. Хорошо, я отскочить в глубь кузова успел, а то бы сам этот столб макушкой вперед таранил!

Повис он. Можно было, конечно, и повыше его подцепить, откуда вид эффектнее, ну да возиться... до земли не достал, и ладно. Минуты две подрыгался, штиблетами посучил и затих, язык вывалив. Красота.

Честно скажу, давно я такого удовольствия не испытывал. Равно как и удовлетворения на душе от хорошо проделанной работы. Почаще бы такое. Майору, что ли, предложить? Боевой дух, опять же, поднимает!

Огляделся – девок уже, само собой, и след простыл. Кроме малышки давешней, из-за которой весь сыр-бор и завелся. Сидит прямо на асфальте, кровь остановить пытается.

А ведь, похоже, думаю, и вправду не из этой стаи ворона. Была бы своя – уволокли б, небось.

Подошел к ней, сел рядом на корточки, платок протянул.

– На, приложи. И не бойся, больше тебя этот урод не тронет. Ни тебя, ни кого другого.

– Вижу. – И носиком своим разбитым смешно так – шмыг!

Тут Фриц из подъезда выходит. Распаренный весь, довольный. Сплюнул себе под ноги, ремень затянул... увидел сутера на столбе и враз побагровел, даже хрипеть начал.

– Восса, сучий ты потрох, мать твою через пень колено! Тебя что, на пять минут без присмотра оставить нельзя?

Я на часы покосился – и впрямь едва пять минут минуло. Быстро, однако, Баварец отстрелялся.

– А в чем дело-то? Что, тебе одному развлекаться можно?

– Восса! Тебе, свинья долбаная, тех пленных было мало?!

Вспомнил, называется. Ну да, полоснул я тогда очередь. А что, спрашивается, делать было, когда они на меня толпой поперли... ведь не сразу на спуск надавил. Ох, не сразу... там, считай, с каждым третьим, если не ел за одним столом, так один грузовик, точно, из грязи вытаскивал. Только когда двинулись они на меня – не было в этой массе знакомых лиц, а были лишь морды звериные, перекошенные до жути, и не полосни я по ним, мигом бы лопатами

изрубили да в осеннюю грязь втоптали. А что Кнопке потом перед строем говорил, так тоже все верно, обстоятельства обстоятельствами, но факт стрельбы по безоружным пленным налицо, и тела под брезентом на краю плаца лежат. Ну, сложилось... бывает. В дисбат не слили, ну а лычки... все равно ж через месяц обратно привесили.

Встал я, вперед шагнул.

– Слушай, Баварец, ты хрюкай, да не забывайся. А то ведь я и разозлиться могу.

Фриц, он, конечно, меня потяжелее раза в два и старше, читай, опытнее. Но вот только если сцепимся мы с ним сейчас, как два зверя диких, все это еще и на злость множить надо, а злости во мне сейчас хватит трех Баварцев даже не на наш крест – на британский флаг порвать. И он это знает, и я знаю, что он знает... такая вот арифметика.

– Парни, – это Клаус из кабины, – довольно собачиться! Время, время... нам же еще на базар!

Баварец еще полминуты посопел подбитым паровозом, сплюнул смачно – и откуда у него столько слюны берется! – обошел меня по дуге, как собака породистая кошку дворовую, и в кузов запрыгнул.

– Возьми... спасибо.

Оборачиваюсь – девчонка уже поднялась и платок мой обратно протягивает.

Посмотрел я на него... жа-алко. Хороший ведь был платок, не обычная тряпка извазюканная, что у меня по карманам комба распиханы, а из «фронтальной посылки», выглаженный, с вышивкой и кружавчиками по углам. Как раз такой, что и в кармане парадной формы таскать не стыдно. А теперь... И такая тоска на меня накатилась...

– Ну и кто, спрашивается, мне его отстирывать будет?

И ведь, думаю, удастся ли отстирать дочиста – это еще, как говорят русские, бабушка надвое сказала. Кровь – штука прилипчивая, а ткань-то тонкая, чуть что, и дыра сразу!

– Прости... хочешь, я сама отстираю?

Просто сказала, легко... будто у нее в сумочке прачечная имеется, с деликатным режимом стирки для тонкого белья.

С другой стороны, посмотреть, как настоящая аристократка, это если Клаусу не примерщилось с перекура, будет мой собственный платок отстирывать – забава даже почище, чем эту самую аристократочку отыметь. Потому как последнее для них процесс все же естественный: как нос ни задирай, а иного способа наследников завести природа-мать не предусмотрела. Да вообще – удовольствие, которое иногда под настроение и садовнику с шофером перепасть может, а вот стирка – это уже полный нонсенс. Опять же...

В этот момент княжна-графиня моя качнулась, как стебелек хлипкий под ветром, и оседать начала. Я ее подхватил – чисто рефлекторно, не задумываясь, – на руки поднял, черт, думаю, какая ж она легонькая-то, словно пушинка, полсотни кило со всей одеждой! А ведь на что уж я хилак хилаком выгляжу, но свои семьдесят пять потяну, а после хорошей жрачки так и все восемьдесят!

Отнес ее к грузовику, на сиденье примостил, сам на подножку стал.

– Глянь, чего это с ней?

Клаус мельком покосился, усмехнулся в усы.

– Шок, самый обычный.

– Какой еще, к свиньям собачьим, шок? – удивился я. – Там той крови вытекло – дюжине комаров на завтрак!

– А ты думаешь, что шок только тогда бывает, когда тебе ногу или руку отчекрыжит? Хотя... ты же у нас, Восса, как штурмовое оружие – безбашенный. Тебе даже если голову снесет, все равно вперед напролом переть будешь. Шок у нее может от одного вида крови слу-

читься. Или просто от недоедания. Я ж почему говорил, что сломается вот-вот... видно было, еще когда стояла... готовый «подогретый труп»³.

Это он верно подметил. С голодухи и не такие номера порой откинешь. Сам я, правда, в обморок не хлопался, но один раз прихватило крепко. У нас тогда в семье две недели подряд с едой жуть как трудно было, потому как доппайковые карточки на лекарства мамуле пришлось сменять, и вот иду я по Кеттвигер-штрассе, и вдруг р-раз – голова кругом пошла и повело меня, повело... хорошо еще, что к домам, а не на рельсы трамвайные. Минут десять тогда за стену хватался, пока отпустило.

Посмотрел я еще раз на малышку – дышит вроде ровно, но в себя приходит, похоже, пока не собирается, – откачнулся, дверцу захлопнул и в кузов перекинулся.

– Поехали! А то и впрямь на базар не успеем.

Когда к рынку подъезжали, народец поначалу от нашего грузовика шарахнулся – видно, облавы испугались. Зато как разглядели, что в кузове всего двое, осмелели, обступили, орут чего-то, самые храбрые за борта хватаются. Хорошо, Баварец пост наш разглядел и заорал, чтобы Клаус к нему рулил.

Пост, по правде говоря, не совсем наш, а вспомогательной полиции. Водится у нас при корпусе такое подразделение в основном из бывших «серых добровольцев». По мне – так лучше бы синие сами свой беспорядок поддерживали, ну да командованию виднее.

На этом конкретном посту обитало три хохла и при них очкарик-вахмистр со старой «эрмой». Вахмистр тоже тот еще: форма мешком, бок в муке, «эрму» держит как смычок родимой скрипки... а с другой стороны, кого еще над этими долдонами ставить? Не немца же... прежде на такое австрийцы всякие были... а этот со своим идишем хоть по-человечески понимает со второго на третье.

В общем, припарковались мы около ихней хибары, я еще из кузова рывкнул: «Стройсь!», вылез, прошелся вдоль строя, порычал слегка, разместил стратегически вокруг грузовика и предупредил, что если хоть одна щепка с борта исчезнет, всех прямо на месте к ответственности привлеку, а вахмистра, как командный состав, особо не забуду. Тот сразу под цвет своего мундира окрасился... с того боку, что в муке – белый-белый, из-под которого серый проглядывает. Мне даже смешно сделалось. Пародия какая-то на солдата, ей-же-ей, а ведь тоже – еврей. Помню, видел я в газете фотку парней из Второй Иерусалимской – точь-в-точь такой же очкарик горбоносый на подбитом «кромвеле» сидел, на бронебойку небрежно так опираясь. А подпись под тем снимком была: «Девять собственноручно уничтоженных... за исключительное мужество... Железный крест...» – ну и все, что полагается.

Пока я этих павианов строю строил, Фриц, само собой, куда-то смылся, Клаус уже тоже у соседнего прилавка маячит. Я вообще-то Фрица при себе придержать хотел: торгуется Баварец здорово, у любого местного дедка цену вполтину сбивает. Но раз удрал – его, значит, баварское счастье.

Открыл дверцу, смотрю – очнулась уже вполне моя принцесса, сидит, напрягшаяся вся, как на иголках, и смотрит испуганно.

– Вылезай!

Вышла.

– Есть хочешь?

Молчит.

– Только вот не надо контузию мне тут изображать. Все ты слышишь, все понимаешь. Ну, хочешь есть или нет? Третий раз спрашивать не буду!

Кивнула.

---

³ Angewärmte Leiche – «подогретый труп» – близкий к изнеможению, может быть, из-за ранения.

Подвел ее к лотку, где тетка, себя поперек толще, пирожками горячими торговала, купил один.

– На, ешь.

Глазом моргнуть не успел – в секунду заглотала.

Мне даже забавно сделалось.

– Гут, – и тетке кивнул, – давай следующий.

Второй моя герцогиня уже чуть помедленнее жрала. А третий и вовсе цивилизованно – по чуть откусывая, без всякого там чавка. Дожевала, крошки с пальчиков аккуратно стряхнула и на меня глазки подняла.

– А ты почему не ешь?

– Сыт я.

Не объяснять же ей, думаю, что, по моему скромному мнению, зайчатина эта сегодня с утра процентов на девяносто то ли гавкала, то ли мяукала.

Мне, конечно, тоже случалось всякое в пасть тащить. Особенно при отступлении... тут и конина за деликатес идет. А к змеям я и вовсе пристрастился – у нас тогда в роте снабжения узкоглазый один был, из «серых добровольцев», то ли узбек, то ли таджик, то ли еще какой китаемонгол, он этих змеюк готовил – любо-дорого, не во всяком парижском ресторане так подадут. Это, заметьте, не я сказал, а обер-лейтенант Циммерман, который по тамошним Мон-мартрам год без малого сапоги протирал.

Надо бы, думаю, дать ей запить чем-нибудь сухомятку эту. Только не видно, чтоб на базаре вокруг лимонадами торговали. Все больше бутылки мутные друг дружке передают.

Я все ждал, пока она хоть что-нибудь спросит. Хоть чего-нибудь, «куда теперь?» или еще чего такое... а она молчит. И смотрит. Доверчиво так... как щенок дворовый, которого косточкой приманили. Именно щенок. Взрослая-то псина никогда так смотреть не будет, даже если ей втрое больший мосол подкинуть. Рычать будет, подкрадываться полчаса, косясь настороженно, а потом цапнет и смоеется по-быстрому, пока отнять не попытались. А лопоух малолетний подшлепает ближе, разлапится смешно и смотрит вот так же – человек, подкинь-ка еще вкусняшку, а?

Если бы она не молчала...

По сторонам оглянулся – базар бурлит себе вовсю, шум, гам, дядьки деловитые мешки необхватные волокут, бабы – корзины такие же, живность всяческая надрывается, в дальнем конце ряда быют кого-то... уже наземь свалили и ногами месят. И только мы с ней стоим.

– Как тебя зовут-то хоть?

– Марго, – только губы у нее при этом скривились... легонько так.

– К чертям свинячьим Марго. Как тебя по-настоящему зовут?

– Анастасия.

Я затылок поскреб, попытался свои познания русского в один кулак собрать...

– Это тебя в детстве мама Настеной звала?

И тут она улыбнулась. Чуть-чуть, едва-едва – но я засек.

– Нет. Сестра старшая. Стаськой.

– Ладно, пойдем, что ли, подыщем тебе из одежды чего поприличней. Потому как в этом наряде тебе в батальоне появляться точно нельзя.

* * *

Гуго Фалькенберга я за снаряжными ящиками нашел. Он всегда там лежит. Это каждый, кто в батальоне хоть неделю пробыл, знает – где Гуго, там ящики, а где хоть какой-нибудь штабель образуется, пусть даже из двух ящиков, там и Гуго непременно заведется. Пусть даже кухня его в самом дальнем углу базируется – если у Гуго свободная минутка, а у него из

этих минуток, считай, три четверти дня состоит, Фалькенберг идет под ящики устраиваться. Сколько помню, ни разу этот закон сбоя не давал – хоть в учебники вноси, в тригонометрию.

Постоял я над ним, понаслаждался художественным сопением в две форсунки, а потом подошвой его легонько тронул.

– Восса. Чего тебе?

Отметьте работу виртуоза – Гуго меня опознал, не открывая глаз. Как? Дедукция это называется. Из рядового состава, да и половина унтеров к гугиному боку обувью нечищенной, да и вылизанной тоже, под страхом смерти коснуться не посмеют. Господа офицеры же, буде нужда им придет, рывкнут командным своим голосом, а если уж возжелают пнуть – так пнут не скупясь, с маху. Ну а из оставшейся публики – хаупт– и прочих штабсфельдфебелей только я голос надрывать лишний раз без нужды не люблю, и Фалькенберг это знает превосходно.

– Вставай. Дело есть.

– Чего за дело? – вставать Гуго, естественно, и не собирается.

– Помощник тебе нужен.

Я эту фразу не вопросительно произнес – утвердительно, и Гуго этот нюанс четко уловил. Глаза открыл, даже голову от скатки оторвать попытался.

– Ты, что ли, мне в котлоскребы решил податься?

– Нет, – и за спину себе показываю, – познакомься. Доброволец Стась – твой новый помощник, которого ты жаждал прям-таки до полного изнеможения.

Тут с Гуго окончательно дремота слетела. Сел он, обозрел Стася новоявленного. На меня взгляд перевел, вздохнул тяжело, шапку свою, до полного блина расплюснутую, нацепил.

– Эрих... ты какого местного дерьма нахлебался? Этот Стась твой... эта девка и пяти минут тут не пробудет. Как только ее Аксель увидит...

– Ты, – перебил я его, – за Акселя не волнуйся. И за всех остальных тоже. Просто придержи ее рядом, пока я с майором не переговорю. Он это дело решать будет.

Посмотрел Гуго на меня задумчиво... и долго.

– Оптимистом ты, Восса, – заговорил он медленно, словно сам себе, – заделаться не мог. Не похож ты на оптимиста... слишком тебя жизнь пожевать успела. Выходит, просто в уме повредился. Жаль... через такие бои прошел, а тут, в тылу, на голом, считай, месте...

– Гуго, – прервал я его рассуждения, – все ли у меня шестеренки в черепушке на месте – это пусть господин Барух определяет. Ты мне лучше вот что скажи – есть за тобой должок или как? А, Гуго? Конкретный такой должок?

– Есть.

До него, похоже, только сейчас дошло, какого туза я на стол выложил. Лоб сразу наморщил, глазки сузил – понимает ведь, что за то, о чем я ему сейчас напомнил, он не то что девку мою прикрыть должен. Пожелай я – и Фалькенберг сам к Вольфу поползет, в ногах у него валяться будет... другой вопрос, что толку от этого не воспоследует. Зато прикрыть Стаську он может, и не только сейчас, на отдыхе, когда «Тема раз» колом не стоит, но и вообще. Охотников против Гуго выступать с прожектором не сыщешь. Сам он, опять же, для женщин безопасен, это мне к нему спиной лучше не поворачиваться.

– Значит, так, – командирским голосом заговорил я, – сейчас заберешь своего... помощничка... покажешь свое хозяйство, на предмет что и как, а потом накормишь. И накормишь ты ее, Гуго, из черного ящика, понял?

– Она что, баронесса какая-нить недостреленная?

– Для тебя, Гуго, – поясняю, – она принцесса и General der Küchen⁴ в одном лице.

---

⁴ General der Küchen – Генерал Кухонь, несуществующее звание, симпровизированное Воссой из обычного «Генерал-такого-то-рода-войск».

В общем, первую часть проблемы кое-как я решил. Осталось, как в том анекдоте, что оберфункмейстер Рабинович повторять любит, всего ничего – царя уговорить! То бишь майора Кнопке. С Вольфом, конечно, сложнее будет – нет у меня к нему такого шикарного ключа, как к Фалькенбергу имелся, а есть... так, отмычка хлипкая, и сумею ли я с ней до его души доковыряться?..

Двинулся потихоньку к штабной палатке, и тут мне навстречу взмыленный посыльный вылетает.

– О! Восса. А я уж думал, кранты мне. Командир приказал тебя из-под земли достать, а парни во взводе сказали, что ты в город подался. Живо к майору!

– К нему и иду.

– Хрена свинячьего! Ползешь ты, как гнида сонная! Бего-о-ом!

Ну, изобразил я свою любимую галопирующую трусцу – прыг вперед, скок назад. Подбегаем к палатке, смотрю, перед ней уже «ослик», любимец наш полугусеничный, стоит, мотором пофыркивает, Отто-Мюнхен у турельного скучает. Посыльный шаст в палатку, и меньше чем через минуту оттуда появился Вольф, причем, что интересно, не в комбе своем любимом, а, как и я, в форме. Даже крестом свеженачищенным поблескивает.

Ну, я вытянулся:

– Унтер-офицер Восса по вашему приказанию прибыл, господин майор, – и, почти без паузы, одними губами: – Вольф, можно тебя на минутку приватно?

Он глазами чуть заметно повел – потом, мол, – на «ослика» мне махнул. Ну, я в кузов и только успел до Отто дойти, дверца хлопнула и «ослик» сразу вперед запрыгал, чуть ли не с третьей. По проселку разбитому – лихо, конечно, только вот задница на каждый ухаб так конкретно отзывается, да еще ветер в лицо... Так и не поговоришь нормально, орать придется.

– Куда несемся-то, Отто?

Пулеметчик только плечами пожал и тоже напряг голосовые связи:

– Вроде, звонок был из штаба дивизии. Только это, сам понимаешь, «сортирные речи»⁵ – офицеры мне докладов не делали.

Ну что тут сказать? Scheisse⁶, разве что.

Не люблю я таких вот неожиданностей.

Еще больше мне все происходящее не понравилось, когда после развилки мы не налево, к городу, повернули, а направо. А полчаса спустя еще раз повернули. На этот раз уже даже не на проселок, а на колею от телег, которая между деревьев петляла.

Только я к заднему борту подполз, пригляделся – от телег колея старая, но вот недавно совсем катил по этой же тропке лесной гусеничный транспортер, не «ослик», а побольше, что-то вроде «семерки». На хорошей скорости, что характерно.

Тут «ослик» так накренился, что меня едва за борт не перекинуло, проскочил поворот и затормозил, потому как дорога впереди оказалась завалом перегорожена, а около завала того фельджандарм столбится. Как с картинки – в шлеме с рожками, прорезиненном плаще и с бляхой на шее. Год, считай, уже я их не видел, а то и больше... с начала Развала.

Подошел он к нам, перешептался с Вольфом, потом в кустах скрылся и сразу же оттуда жужжание знакомое – полевой телефон. Через минуту вылез обратно, махнул рукой, и из чащи напротив, как черти из пруда, троица в пятнистых куртках выпрыгнула. Парашютные егеря, причем у одного на плече кожаная потертая нашлапка для бронебойки, и значки соответствующие поблескивают. Вмиг они в завале проход растащили, и, едва наш «ослик» в него протиснулся, обратно закрыли. Я обернулся и успел еще заметить, что в чаще той, откуда они повы-

---

⁵ Latrinenparole, «сортирные речи» – слухи.

⁶ Scheisse (нем.) – универсальное выражение, имеет массу значений и оттенков в зависимости от эмоциональной окраски, типа русского «бл...!».

скакивали, что-то длинное, вороненое маячит – тяжелый станкач. А может, и вовсе безоткатка – с десантуры станется.

Интересные дела в этом лесочке творятся. Парашютных егерей во всем корпусе до Распада один батальон был, а после и вовсе рота осталась. И рота эта – личный резерв командующего. Не охрана, заметьте. В охране, это я точно знаю, обычная панцеринфантерия состоит, из проверенных ветеранов, понятно, но все же... ну и чего они, спрашивается, здесь забыли?

Через пару минут подъехали к какому строению на опушке – избушка не избушка... деревянная такая халабуда. То ли лесник здесь жил, то ли еще какой пасечник: в конце опушки ульи виднеются. Рядом с ней в елках давешняя «семерка» приткнулась, а напротив крыльца два «лягушонка» стоят, фарами своими круглыми лупоглазыми сверкают. А по всему периметру опушки панцеринфантерия разлеглась – рыл, так... ну да, взвод их тут, ровно столько в «семерку» и влезает.

Мы напротив «семерки» притерлись, и сразу же, Вольф только ногу на землю поставить успел, к нам из избушки обер-лейтенант выскочил и тут же под козырек взял.

– Господин майор, господин оберст ждет вас.

– Ясно, – Вольф кивнул, обернулся ко мне, – вот переводчик, о котором меня просили, – а сам тут же нырнул в избушку.

Махнул я через борт, вытянулся, прогавкал что положено. Стою. Обер-лейтенант тоже стоит, былинку грызет и в небо между деревьями поглядывает. Наконец очнулся, заметил меня.

– Значи-ит, – знакомый говор, вот только не помню, кто ж это так гласные тянет, – руски-им владеешь свободно?

– Так точно, господин обер-лейтенант. Понимаю практически все. Если, конечно, – добавляю, спохватившись, – разговор идет не на жаргоне и не перенасыщен незнакомыми техническими терминами.

Во загнул.

На самом деле, до сих пор удивляюсь, откуда во мне такая вот способность к языку прорезалась. Учитель был хороший, это да... Сенявин Рудольф Петрович, из «серых добровольцев», сам Вольф про него говорил «педагог от Господа», он, наверное, и зайца бы мог выдрессировать на трех языках шпрехатъ.

Главное, думаю, чтобы записывать не поставили. Почерк у меня и так не очень, да и медленно... а уж с «ятями» всякими и вовсе труба.

– Хорошо, – кивнул обер-лейтенант. – Теперь, унтер, слушай внимательно. Ушами. Сейчас будешь заменять нашего переводчика. Задача твоя следующая – сидеть в углу рядом с писарем и – запомни особо! – рот разевать только в том случае, если тебе покажется, что переводчик, которого привезут наши гости, допустил неточность... или еще как-нибудь исказил смысл. Но даже в этом случае ты не орешь об этом на всю комнату, а тихо сообщаем писарю свой вариант. Понял?

– Так точно, господин обер-лейтенант. Не кричу, а тихо говорю писарю свой вариант.

– И еще... в руках у тебя тоже будет блокнот и ручка, но записывать тебе ничего не надо. Хочешь – крестики рисуй, хочешь – цветочки или просто зигзаги. Главное – чтобы наши гости видели, что ты всего лишь еще один стенографист. Понял?

– Так точно, господин обер-лейтенант.

Интересно, думаю, вот чего в этой избушке так гудеть может? Низкий такой звук... я на пчел было подумал, но больно уж он монотонный... механический звук.

– Хорошо, – обер снова на небо покосился. – Внутри пока не ходи... постой где-нибудь неподалеку. Но так, чтобы тебя с крыльца было видно – когда понадобится, позову!

– Слушаюсь!

Отошел я к нашему «ослику», встал перед капотом, чтобы, как обер-лейтенант приказал, с крыльца хорошую мишень изображать, облокотился было... и зашипел не хуже сала на сковородке. Ага, прислонился один такой – даже сквозь форму обожгло будь здоров.

Сзади в три глотки заржали. Я крутанулся, гляжу – под кустом пехота развалилась. Из таких лобешников только маску для пушки делать, никакой подкалиберный не проткнет три рыла здоровых в полной выкладке. Даже газовые маски имеются, которые у нас в батальоне самые отъявленные пессимисты давно уже в обоз подавали, а то и просто повыкидывали.

– Что, розовый⁷, припекло?

Может, видели бы они мои погоны, ржали бы потише, только погоны на форме я уже два года как наизнанку пристегнул: мелочь мелочью, а перед снайпером лишний раз светиться неохота. Шутцмюте⁸ у меня, опять же, неуставной, вместо кепи – талисман, память об Эмиле-коротышке.

Эмил берет этот с французской еще кампании таскал, а как сменял на мой портсигар трофейный – загорелось ему! – так и сам сгорел через неделю.

Я уж начал было открывать рот, чтобы в ответ огрызнуться, как слышу – гудит знакомо. Громче, громче, и вот уже в просвете между елками тушки продолговатые показались. Два «Фокке-44» строем уступа, пушки хоботками торчат, на пилонах ракетные пакеты, все как положено. И почти сразу же за ними – летающая платформа, небольшой итальянский «Церв» над полянкой завис и плавно опустился.

И вот тут-то мне совсем тоскливо стало, еще до того, как турбины затихли, и из распахнувшегося люка вслед за адъютантом сам генерал-лейтенант Линдеман появился.

---

⁷ Розовыми были окантовки деталей униформы танкистов, подбор петлиц и просветы на серо-зеленых куртках солдат и унтер-офицеров.

⁸ Шутцмюте – черный защитный берет.

Глава 2

Вытянулся я. Кошусь назад – троица позади тоже монументами застыла. Впрочем, командующий в нашу сторону, по-моему, и не глянул даже – мы от него слева были, а он как раз левой рукой фуражку придерживал. Промаршировал мимо, дверью хлопнул. Сзади сразу дружный такой облегченный «уфф», а я все стою и сектор обстрела прикидываю – видно меня из окна или как? По идее, не должно – ставни-то закрыты, но... а вдруг щель какая. Или, скажем, покурить кому приспичит?

Очень уж не хочется перед начальством лишний раз засветиться. Тем более – перед *таким!*

Генерал-лейтенант Линдеман – это ведь не просто генерал. Командующий корпусом... да, собственно говоря, он и создал корпус практически из ничего.

Помню, как в первый раз его обращение по радиации услышали. «Всем частям, сохранившим верность присяге...» Ни о какой присяге мы тогда, понятно, не думали, но Вольф сказал: пойдём. И мы пошли.

Наверное, никакой другой командир, кроме майора Кнопке, не сумел бы совершить этот поход – более четырехсот километров по охваченной огнем и безумием стране... хуже, чем по пустыне... и никакие другие панцеры, кроме «мамонтов».

Драться приходилось за все. За горячее, за еду... Скажи кто пару месяцев назад, что мы, имперский отдельный тяжелый панцербатальон, элитная, считай, часть, будем устраивать бой с какой-то бандой за десяток коров, диагноз был бы ясен. Благо, таких, у кого от войны шестеренки в черепушке в разные стороны затикали, я навидаться успел вдосталь...

Ну вот, доприкидывался – выскочил на крыльцо давешний обер-лейтенант, былинку выплюнул, оглянулся и мне рукой машет.

Вошел я следом за ним внутрь, и от погон аж в глазах зарябило. Сам генерал-лейтенант с адъютантом, три оберста – наш, 25-й и летчик, майоров пятеро: Вольф, фон Крох – комбат штурмовых, два пехотинца и еще один в камуфляжной «оскольчатой» блузе поверх формы – десантник. Плюс еще четверо – обер-лейтенант, что меня привел, гауптман и двое штабных канцляйфорштеера⁹.

И это, учтите, только в первой комнате, а за приоткрытой дверью в соседнюю также далеко не солдатское фельдграу мелькало, а с голубоватым оттеночком. Одного я точно опознал – начштаба полка, борода у него характерная, клинышком, испанская, как ее Вольф называет.

В последний раз мне столько офицеров, да и то издалека, на трибуне, видеть доводилось года полтора назад, когда мы только-только переформировались и «Мамонты» получили. И тут, как на грех, день рождения Его Императорского Величества Кайзера Генриха I. А это все-непременный парад. Заодно аборигенов местных последним словом имперской мощи попутать и союзников-австрийцев тоже... подбодрить. Как у нас на той площади ни одна машина не заглохла – не скажу. Скажу только, что механикам на шнапс еще недели две после того парада исправно отстегивали.

Ну да, полтора года назад это было, во Львове. Паршивый, к слову сказать, с точки зрения панцеров город, улочки сплошь кривые и узкие. Если с ходу втянуться, не то что полк, дивизию пожечь можно. Сам генерал-инспектор панцерчастей на той трибуне был рядом с австрийским командующим фронтом, принцем... черт, как же его звали-то... нет, не помню. Помню, что сняли его через месяц, поставили какого-то чеха, то ли Вячека, то ли Вучека, а потом и Развал подоспел.

---

⁹ Канцляйфорштеер – конторский клерк-лейтенант.

Я было удивился, как при таком количестве народу да при запертых ставнях они тут еще не сварились вкрутую, а потом увидел сигару генерал-лейтенанта. Точнее, дым от нее: он не клубами по комнате расплывался, а вполне целеустремленно тянулся к ящику под потолком. Этот-то сундук и жужжал так, что снаружи было слышно. Гудел, дым всасывал, а назад чистый лесной воздух выдавал, причем, что особо интересно, прохладнее, чем снаружи.

Вручил мне обер-лейтенант блокнот с карандашом, посадил рядом с канцеляйфорштеером... сидим, ждем. Генерал-лейтенант курит, адъютант рядом с ним статуей застыл, остальные офицеры вокруг стола с картами собрались, переговариваются вполголоса. Есть о чем поговорить: я, когда мимо этого стола проходил, тоже успел взгляд бросить. Презабавные, доложу вам, карты на нем разложены. Со стрелочками. Разноцветными. Я по масштабу прикинул – похоже, там не только нашей летней кампании план, но и остальных синих республик. Или вражеского наступления – уж больно глубоко красные стрелки на одной из карт в синюю область вонзаются.

По-хорошему, конечно, то, что соц-нацики АВР до сих пор не раздавили – смех и позор. Этих офицеров мятежных – в смысле мятежные они для синих, сами-то они как раз вопят, что за восстановление прежнего порядка воюют, – так вот, офицеров этих поначалу горстка была, несколько тысяч. По сравнению с той ордой, что соц-нацики под своими знаменами числили – несерьезно. Ну, поставили они к стенке Туруханова с приближенными, на это сил, да и ума большого, не надо, а дальше? Питер и Москва – это ведь далеко не вся Россия.

Правда, в одном расстрел этот им точно на руку сыграл. Туруханова-то все слушались – отец-основатель, как-никак, идеолог и все такое. А как прорешетили полный состав Центрального Комитета Социал-интернационалистической Партии из шести станкачей, так каждый губернский политрук начал себе корону примерять. У нас, в Малороссии, – Конвент, на Кавказе – Ревюгсовет, Сибирь поначалу вообще на четыре части раскололась. Ну а пока эти наследники турухановские между собой разбирались, господа бывшие офицеры в АВР своей времени ох как не теряли.

Хорошо еще, часы в этой комнате имелись. Пусть и дешевые маятниковые ходики – главное, хоть как-то можно было за временем следить. Тик-так, тик-так... стрелки, как пришитые, стоят, но не может же быть такого, что я всего лишь пять минут здесь сижу... хорошо еще, генерал-майор в эту сторону не смотрит – так, скользнет изредка взглядом. Вот он докурил, сигару аккуратно о край лавки затушил и к столу подошел.

– Итак, господа, как вам наш план?

– Выглядит весьма заманчиво, господин генерал, – задумчиво проговорил оберст 25-й. – Но не кажется ли вам... – и, не договорив, замолк.

– Продолжайте, Вилли, – благосклонно кивнул Линдеман. – ...что у нас слишком мало войск для такого количества значков? Не беспокойтесь, к началу операции все эти, *пока еще* условные, обозначения обретут очертания реальных частей.

– И откуда же, – приподнял бровь летчик, – вы возьмете эти части? Прямоком из фатерлянда?

– Увы, господа, – вздохнул Линдеман, – этот источник для нас недоступен.

– Тогда как же...

– Терпение, мой друг, терпение. Я не хочу повторяться два раза, а в этой комнате пока еще собрались не все гости. Точнее, – улыбнулся генерал, и от улыбки этой его у меня мураши под лопаткой зашебурились, очень уж нехорошая была та улыбка, – здесь отсутствуют наши любезные *хозяева*.

Господа офицеры понимающе похмыкали и снова над картами склонились.

Минут двадцать прошло, слышу, из-за ставней свист накатывает. Противный такой, рваный. Знакомый звук – так завывать только русский «летающий бочонок» умеет. Старая

машинка, в начале войны еще на ней артнаблюдатели летали. Приблизился свист, опустился, взвыл напоследок и оборвался.

– Еще раз напоминаю, господа, – говорит Линдеман, – даже если кто-либо из наших гостей и позволит себе какие-либо... *выходки*, вам следует вести себя с ними так, как подобает офицерам армии Его Величества Кайзера по отношению к союзникам.

Заходит троица. Впереди паренек лет двадцати с хвостиком, белобрысый, шуплый, по виду типичнейший студентик-переучка, даже очки на курносый нос нацепить не забыл. Второй постарше, в солдатском – точнее, гимнастерка и штаны на нем солдатские, а вот шинель явно рангом повыше. И третий, в потертом замшевом пиджачке, под ним свитер домашней вязки, пухленький такой дядюшка, с располагающей физией – так и хочется ему чай с печеньем предложить.

Вошли они, переглянулись – студентик шагнул вперед и на чистом немецком произнес:

– От имени Малороссийского Революционного Конвента приветствую вас, товарищ Линдеман.

– Добрый день, герр Артем, – генерал-лейтенант на «товарища» не среагировал. Похоже, думаю, он этого белобрысого уже не в первый раз видит и шутка эта у студентика дежурная. И еще – студентик-то этот не прост, ох как не прост, не верю, чтобы обычные толмачи, даже из числа *приближенных*, вот так запросто к господину генералу обращались.

– С герром Гусаковым, – продолжал Линдеман, – мы уже знакомы. А вот ваш новый друг...

– Товарищ Викентий, – кивнул студентик на «дядюшку», – командирован Президиумом Конвента вместо товарища Алексея.

– Вот как? Надеюсь, с герром Степановым все в порядке?

– Он... – белобрысый на миг запнулся, – в данный момент находится на отдыхе. Учитывая его выдающиеся заслуги в Борьбе и то, сколь много и напряженно ему пришлось работать в последнее время, Конвент, – разумеется, по рекомендации врачей, – временно освободил его от некоторых наиболее обременительных обязанностей.

Ага, думаю, а врачи эти небось из тех, что сейчас в бывшей Первой Киевской больнице, в зеленых халатах. Слухов о них ползает – один другого страшнее, и если хоть четверть тех слухов на чем-нибудь стоит, то герру Степанову в котле у африканских дикарей не в пример комфортнее пришлось бы.

– Скажи, – обратился к «студенту» «военный», который Гусаков, – пусть он тоже своих представит.

– Это, – ответил ему Линдеман после перевода, – лишнее. Вы сможете задать ваши вопросы конкретным исполнителям позже, во время обсуждения. А пока – прошу к столу. Сейчас гауптман Клюге познакомит вас с тем, ради чего вы проделали столь долгий и опасный путь. – Ну да, как же – отсюда до Киева километров двести, даже для такого старья, как «бочонок», не больше двух лёту! – А именно разработанным *моим* штабом планом летней кампании.

Клюге – это, как оказалось, адъютант генерал-лейтенанта. Выглядел он прямо как иллюстрация достижений полиграфии на примере справочника по униформе – затянутый, выглаженный, о складку на брюках порезаться можно, в общем, не человек, а картинка. И излагает так же красиво. Не знаю, как остальные, а я так точно заслушался. Вот что, думаю, значит – язык у человека правильно подвешен. Я и пересказать-то, если что, едва смогу.

Начал гауптман издали – с того, что кровью любой современной войны является. Нефть. То есть, конечно, боеприпасы, продовольствие и прочее снабжение тоже необходимы, но с ними обычно дело все же попроще обстоит, а вот значимые источники нефти – это дефицит в мировом масштабе. Оспорить кто-нибудь желает?

Товарищи из Конвента точно не желали – ну еще бы, они-то в этом деле подкованы, перед Распадом всем уши прожужжали, что Война наша Великая вовсе не из-за того ведется, о чем с

трибун орут, а за вполне конкретные нефтяные поля на Ближнем Востоке. И не будь там нефти – плевал бы себе Его Величество Кайзер на Святой город Иерусалим, как все его предки со времен Барбароссы плевали, и ни о каком тевтонском кресте над Храмом не помышлял бы.

– К сожалению, – отметил Ключе, – на территории, контролируемой уважаемым Мало-русским Революционным Конвентом, наличествует множество всяких полезных ископаемых – но вот с нефтью дело обстоит печально. Точно так же, как и на «оккупированных» сторонниками свергнутого восставшим народом режима землях Центральной России. Мы свою проблему решили нынешней зимой за счет Румынии – устроив показательную высадку в Констанце с последующим марш-броском.

Меня от этих слов Ключе сразу морозом пробрало – вспомнил. Нас тогда загрузили в какой-то допотопный ржавый танкодесантник. Корыто корытом, на волне скрипел так, что казалось – еще чуть, и «мамонты» сквозь днище провалятся. Вода текла из-под каждой вшивой заклепки, помпы работали почти постоянно, но все равно – пройти по трюму, не промокнув по колено, можно было только, прыгая с панцера на панцер... и все это под «успокаивающие» разговоры матросов о том, что за войну в эти воды вываливали мины все, кому было не лень: мы, австрийцы, турки, сами русские и даже всякая прибрежная мелочь типа болгар, а в итоге получился такой суп с тротильовыми клецками, в который сам черт побоится копыто сунуть.

Вдобавок на вторые сутки мы попали в шторм, а зимний шторм в Черном море – это тот еще подарок. Нам – вернее, тем из нас, кто не валялся скрученный морской болезнью, – оставалось лишь вслушиваться в скрип тросов и молиться, чтобы крепления выдержали. Потому что если бы хоть один панцер сорвался, то наверняка прошиб хлипкий борт танкодесантника, а за ним...

Шторм этот разбросал наш «флот вторжения» так здорово, что потом еще три дня, наплевав на радиомолчание, обратно собирали... даже береговую авиацию для поисков задействовали. Один транспорт так и не нашли – соответственно две роты панцеринфантерии в гости к местному Нептуну отправились. Никто не спасся, так и неизвестно, чего с ними приключилось...

После этого морского круиза мы уже были готовы драться хоть с румынской милицией, хоть с чертом, лишь бы обратно не плыть.

Румыны, впрочем, особого желания сражаться тоже не выказывали. Оно и понятно – более менее приличную технику австрияки поставляли им для фронтовых частей. На фронте она и осталась. Ну а местный ландвер против нас мог выкатить разве что хлам образца тысяча девятьсот двадцать лохматого года, который современный бронебойный прошивает насквозь, не успев сработать. Это если бы у них вообще было что-нибудь в пригодном к употреблению состоянии. А они вообще технику гребят быстро...

Командование, по сортирным речам, не столько этих румын опасалось, сколько венгров – те все ж нация цивилизованная, почти европейцы, не один век в одной с немцами империи прожили. И досталось им при распаде этой самой империи не так уж мало. Я, правда, сколько воевал, ни одного венгра-панцерника не встречал, одни немцы да чехи... ну да чтобы бронебойкой из кустов пальнуть, много ума не надо.

Обошлось без венгров. У них там в это время полным ходом шла своя революция с контр-революцией – веселья хватало. Так что войны, собственно, и не было – сплавали, прокатились до нефтепромыслов и обратно. Обратно, к счастью, уже железной дорогой, а то, я думаю, даже Вольф батальон от бунта не удержал бы.

Ключе тем временем продолжал:

– Трехцветники зиму потратили на войска Верховного Президента – от Урала до Казани и обратно. Блестящие маневры генерала Борейко в заволжских степях, разумеется, достойны всяческого восхищения – торжество маневра и оперативного мышления над слепой мощью впятеро превосходящего противника! Но вот только топлива они, – ехидно добавил Ключе, –

не прибавили. По имеющимся данным, весь резерв АВР на первое марта составлял тысячу двести тридцать пять тонн. Точка.

– Выходит, – возразил белобрысый, – их сейчас можно голыми руками брать?

– Не совсем так, – прервал блестящий доклад Ключе, – потому что одно месторождение господ из АВР все-таки обнаружили – нефтяной запас Балтийского флота. Но хватит его не всем и ненамного. Например, частям Борейко из-за Волги выбраться – как раз до Москвы и Питера. А потом – действительно все. Лавочку под названием «Армия Возрождения России» можно будет закрывать.

Понимают это их генералы, – а генералов в АВР, – ухмыльнулся Ключе, – много, и причем далеко не все такие дураки, как об этом в ваших газетах пишут, – очень хорошо. И результатом их понимания является данный, – он указал на ту карту, где красные стрелки в синее вонзаются, – план. Ваши люди из Комитета Всеобщего Благополучия, – добавил он, – должны были вам уже подобный план предоставить – но, возможно, некоторые незначительные детали на нем были не столь подробно отражены.

Судя по тому, какими взглядами троица обменялась, их план, если он у них вообще был, подробностями и в самом деле не изобилует. Оно и неудивительно – «зеленые халаты» хороши, когда ужас надо наводить, да только вот карту из вражеского сейфа выкрасть – это малость посложнее, чем связанному половину зубов с одного удара выбить.

– Основные силы АВР, – лекторским тоном продолжал гауптман, – будут сосредоточены в двух группировках: Первый корпус под командованием генерала Заславского развернут на западе, то есть против нас, и в состав его включены лучшие «офицерские» части АВР, такие как Соколовская дивизия, меньшевики и «красные гусары». Наиболее же важная для АВР задача – прорыв к кавказской нефти – будет возложена на Второй корпус Борейко и формируемый сейчас по «остаточному» принципу Третий корпус некоего генерала Синева, отличившегося зимой во время обороны Воронежа. Заодно, по дороге, так сказать, они прихватывают своим наступлением нефть Поволжья, но, по имеющимся у нас данным, восстановление тамошних промыслов может занять срок от нескольких месяцев до года.

– Если же, – отметил Ключе, – этим господам удастся выполнить возложенную на них миссию, то положение АВР значительно улучшится, поскольку их командование, наконец, сможет в полной мере воспользоваться имеющимся у них преимуществом в виде внутренних операционных линий. И если скоординированность наших уважаемых союзников будет по-прежнему оставлять желать...

«Товарищ Викентий», когда «студент» ему последнюю фразу перевел, побагровел, как рак в кастрюле, и начал чего-то нести о том, что, кроме военных соображений, существуют также высокополитические, на что гауптман просто руками развел, а Линдеман от окна обронил что-то вроде того, что плохую дипломатию самой хорошей стратегией трудно исправить.

– В данный момент, – продолжил Ключе, – «возрожденцы» заняты тем, что пытаются провести на Волгу часть малых кораблей Балтийского флота. Наряду с иными данными это служит подтверждением того, что вести свое наступление они будут, опираясь именно на вышеуказанную водную артерию, а не по, казалось бы, более очевидным направлениям Харьков – Ростов или Тамбов – Корниловск. Наши доблестные пилоты, – кивнул он на оберста с крылышками, – а это же, сообразил я, сам фон Шмее, командующий всей авиацией корпуса, – разумеется, попытаются максимально затруднить им сие занятие, но...

– Но, – мрачно изрек фон Шмее, – учитывая мизерное число имеющихся в моем распоряжении тяжелых бомбардировщиков, а главное, отсутствие управляемых бетонобойных бомб, которые могли бы обеспечить куда более высокие шансы на успешную атаку шлюзов Мариинской системы, гарантировать я ничего не могу.

– С учетом вышеизложенного, – гауптман развернул поверх плана авровского наступления новую карту, – штаб корпуса счел необходимым внести коррективы в согласованный ранее

с Президиумом Конвента план летнего наступления. И уважаемые представители этого самого Президиума приглашены были как раз затем, чтобы с этими самыми изменениями ознакомиться.

Не знаю, как там эти самые господа-товарищи представители, а я нюанс в речи Ключе засек четко. Ознакомиться! Не разрешить, не одобрить или там согласовать, а – ознакомиться. Причем, как начал я соображать, припомнив кое-что из известных мне за последнее время телодвижений наших частей, план-то этот на самом деле уже понемногу в жизнь претворяется – без всякого на то ведома и согласия Конвента.

– Мы сочли, – подытожил гауптман, – что принятый ранее план, предусматривающий маневр на север, к Смоленску, и лишь затем поворот на запад, к Москве, является в новых условиях непростительной потерей оперативного темпа. Сейчас более невозможно рассчитывать на сибирскую армию Верховного Президента: боеспособность его частей после зимнего поражения явно не является секретом для командования АВР. Наш единственный шанс – наступать по наиболее короткому, к сожалению, – вздохнул Ключе, – и также наиболее очевидному для противника пути Курск – Орел – Тула. Разгромить противостоящую нам группировку Заславского и закрепить за собой ключевую позицию в районе Москвы, являющейся крупнейшим промышленным и коммуникационным центром. Если нам удастся проделать это до того, как подразделения Восточного фронта АВР разделяются с Южной Конфедерацией и, получив в свое распоряжение нефть Грозного и Баку, вновь станут...

Тут гауптман какое-то научное словечко ввернул, которого ни я не понял, ни, как оказалось, троица из Конвента. Как же он обозвал? Валетными, что ли? Нет, валентными! Русские из-за этого словечка с минуту перешептывались, пока «студент» не допер – химический это, оказывается, термин. И означает он всего-навсего то, что части эти, АВР-овские, свободными станут, в смысле – куда хочешь, туда и посылай.

– ...то, – продолжал Ключе, – Западный фронт «возрожденцев» окажется расколот на два слабо связанных участка. Что в свою очередь открывает перспективы для дальнейшего...

– Давайте, – перебил его «товарищ Викентий» посредством «студента», – не будем делить шкуру неубитого медведя – что можно сделать после захвата Москвы, мы и сами как-нибудь нафантазируем. Сейчас же, в связи с вашим новым планом, Конвент будет куда более озабочен судьбой Смоленска.

– А что такого, – удивленно осведомился Ключе, – может произойти со Смоленском?

– Как это «что», – возмущенно вскинулся «студент». – А поляки?

– Ах, поляки, – понимающе кивнул гауптман. – О да, мы помним об этой вашей головной боли. Но, во-первых, у маршала Скорского и Регентского Совета в данный момент не меньше вашего болит голова по поводу Тешинской Силезии, на границе с которой сейчас усиленно сосредотачиваются чехословацкие войска. Во-вторых, штаб корпуса, еще раз рассмотрев этот вопрос, считает наиболее благоразумным предоставить польским войскам свободу действий... если они будут действовать в желаемом для нас направлении.

– Которое же, – ядовито поинтересовался «студент», – для вас направление «желаемое»?

– На Смоленск, разумеется, – невозмутимо отозвался Ключе. – Пусть части пана генерала Пшигоды бьют свои лбы об оборону АВР, втягиваются в сражение за город... мы даже согласны, чтобы они его взяли. Нас же, – тонко улыбнулся гауптман, – будет вполне удовлетворять тот факт, что от Гомеля, который сейчас контролируется передовыми частями нашей 25-й дивизии, до Орши *всего лишь* немногим более двухсот километров. И уверяю вас, господа, простите, товарищи, если мы того пожелаем, пан генерал Пшигода очень остро почувствует значение этих километров. На горле своем почувствует.

Троица между собой озадаченно переглянулась... военный, который Гусаков, нахмурившись, неуверенно так буркнул что-то вроде, ну, может, это и вправду смысл имеет, прикинуть надо...

Пошептались они еще минуты три, – я аж извертелся – и так и сяк, мне все их бормотание пересказывать надо было! – и договорились в итоге до того, что все равно сейчас ни до чего договариваться не будут.

– Надеюсь, – обратился «студент» к генерал-лейтенанту, – вы, товарищ Линдеман, понимаете, что мы не уполномочены принимать столь ответственные решения. Нам необходимо посоветоваться с нашими товарищами, возможно, даже провести отдельное заседание Конвента...

– Да-да, конечно, – Линдеман, по-моему, кивать начал еще до того, как белобрысый до конца фразу договорил. – Разумеется, разумеется. Вы должны всесторонне обсудить, принять наиболее взвешенное и, главное, политически правильное решение.

Не знаю, как эти президиумщики, а я после слова «политически» сразу сообразил, что генерал-лейтенант над ними попросту издевается. Потому как чихал он на их решение и вообще на весь их Конвент с панцерной башни – наступление будет! И начнется оно, скорее всего, в ближайшие дни, прежде чем АВР-овские шпионы из Конвента, – настоящие, а не те, которых Комитет Всеобщего Благополучия пачками ловит, – свои шифровки отстучать успеют.

Ну и правильно, думаю. Таких вот союзничков, как эти, пинать надо постоянно, а то глазом не моргнешь, как на шею сядут... а то чего и похуже.

И генерал-лейтенант Линдеман в этом деле толк понимает. Еще бы – таких вот частей, вроде нашего корпуса, образовалось поначалу пять... нет, вру, шесть. И где они теперь, через год? Фон Трапп со своей Северо-Восточной армией еще сидит где-то в Остзейских провинциях... ну да, его «карманная империя», как Вольф ее обзывает, именуется Курляндской республикой. А остальные? Лемп, Нойдекер, Оунхаузен, Хольцфельд... и все они радостно так собирались прорываться обратно в фатерлянд, «восстанавливать закон и порядок в империи». Ага, щас, как русские в таких случаях говорят.

Группу Нойдекера поляки разгромили... только один неполный батальон из кольца вышел, сейчас они у нас, в 25-й. Генерал-полковника Оунхаузена какой-то агитатор пристрелил. Лемпа тоже, кажется, убили... точно помню, что последний раз по радио говорили, что остатки его дивизии вошли в состав кампфгруппы Хольцфельда – не думаю, чтобы генерал-лейтенант, будь он жив, стал бы оберстлейтенанту¹⁰ подчиняться.

А мы – корпус! Элитные части этого самого Малороссийского Конвента, гвардия, можно сказать. То есть как бы есть у синих и собственная гвардия доморощенная, да только сами конвентчики на эту гвардию косятся с еще большей опаской, чем на нас. По крайней мере, когда в марте Грищук мятеж поднял, давить его товарищи соц-нацики не свою гвардию послали и даже не «благополучников», а корпус. Точнее, 25-ю дивизию, которая к румынам не каталась, а всю зиму простояла под Киевом. Оперативный резерв... может быть, и оперативный, только не против АВР или поляков, а против «врага внутреннего». Думаю, что если бы Борейко их сибирских друзей по степи не размазал, эти конвентчики и дальше бы корпус поближе к своим драгоценным шкурам держали. Интернационализм интернационализмом, а выгоду свою конвентчики понимают хорошо – она для них в том, что для Линдемана они меньшее из зол. Пока. Пока сотрудничество хоть немного взаимовыгодно...

Ну а если вдруг что... Малороссия, конечно, не Лифляндия, но видел я мельком на столе у Кнопке пакет с многозначительным названием: оперативный план «Остров», из-под которого карта Крыма высывалась.

– Единственное, о чем попрошу я вас здесь и сейчас, – как будто между прочим произнес генерал-лейтенант, и лапа, которую Гусаков за картами протянул, застыла сразу в воздухе над столом, – это санкционировать несколько незначительных, текущих, так сказать, документов.

---

¹⁰ Oberstleutenant (нем.) – подполковник.

Реализация их поможет значительно увеличить боевую мощь вверенного мне корпуса, что, согласитесь, будет весьма выгодно Конвенту при любом исходе прений.

Договорив, чуть кивнул гауптману – и тот вместо свернутых уже карт вложил в гусаковскую клешню тоненькую пачку смазанных машинописных листиков.

«Военный» на них уставился так, словно ему на ладонь скорпиона подсадили. Бросил их перед собой на стол, склонились они втроем, начали вчитываться, гляжу – багровеет «товарищ Викентий» куда почище, чем пять минут назад, – еще чуть-чуть, и пар из ушей засвистит.

Зря, подумалось мне, его с таким-то темпераментом на переговоры к нам засунули. С генерал-лейтенантом Линдеманом общаться... раза на три-четыре его хватит, а потом апоплексический удар, и будет в ихнем Конвенте играть красивая музыка, которую этот «товарищ Викентий» уже не услышит.

– Да вы, – захрипел он, – да вы что?! Это ж... вы ж нас догола раздеваете!!

– Отчего же, – удивленно вскинул бровь Линдеман, – ведь подавляющая часть указанной техники была собрана на полях сражений... и в иных местах и восстановлена силами специалистов *моего* корпуса.

– Но на наших заводах!

– Извините... но до появления на *ваших* заводах *наших* специалистов они все равно простаивали без всякой пользы!

– А это... – не дожидаясь перевода, ткнул «товарищ Викентий» в следующий листок. – Вы хоть представляете, о чем просите? Комитет Всеобщего Благополучия никогда, слышите, никогда на такое не согласится!

– Неужели? – генерал-лейтенант на своих офицеров оглянулся, те тоже удивленные лица враз изобразили. – Нам казалось, что уважаемый Комитет, наоборот, будет весьма рад переложить ответственность за столь большое количество «потенциально враждебных» – так вы это, кажется, именуете? – элементов со своих плеч.

– Комитет Всеобщего Благополучия, – сурово заявил белобрысый, – никогда не чурался ответственности.

– Не сомневаюсь, герр Артем, – благодушно кивнул генерал-лейтенант, – ничуть не сомневаюсь. Однако в данном случае речь идет не только об ответственности, но и бесполезной, с точки зрения вклада в нашу общую победу, трате ценного ресурса. Каковым являются представители перечисленных в этом документе специальностей. Как гражданских, так и военных.

– Нет, *товарищ* Линдеман, – с вызовом глядя на генерал-лейтенанта, заявил белобрысый. – Это совершенно невозможная вещь. Если относительно других *ваших*... требований, давайте уж будем называть вещи своими именами, еще можно вести какой-то диалог, то по этому пункту не может быть даже тени сомнений. Конвент никогда, ни при каких условиях не допустит, чтобы враги революции и народа ушли от заслуженной ими кары!

– Что ж, – вздохнул Линдеман, – жаль, право...

– А нам, – резко перебил его белобрысый, – нет!

– Я не договорил, молодой человек! – так же жестко оборвал его генерал-лейтенант. – И впредь извольте дослушивать до конца все, что я захочу вам сказать!

Сейчас же, – продолжал он тоном ниже, – я хотел сказать, что мне будет очень жаль докладывать вашему Конвенту и лично герру Чугуеву. Докладывать о том, что из-за столь явно продемонстрированного представителями Президиума Конвента нежелания сотрудничества, а также иных признаков несоответствия возложенной на них высокой миссии командование корпуса снимает с себя всякую ответственность за успех предстоящей операции. Как вы, герр Артем, полагаете, – с кривой усмешкой осведомился Линдеман, – на кого будет переложена эта ответственность?

«Студент» побледнел. Явственно. Друзья-соратнички его за рукава теребят – чего, мол, эта немчура сказала? – а он стоит и на генерал-лейтенанта смотрит... ну, как бешеный кролик на удава. Бешеный – потому как непонятно, то ли он себя заглотать даст, то ли, окончательно ополоумев, сам на змеюку кинется в ключья ее рвать.

Меня в тот момент больше всего его рука правая занимала, которая медленно так, подрагивая, к кобуре на поясе тянулась. Большая такая кобура и живет в ней, судя по рукоятке, «маузер К-34» – двадцать два патрона в магазине, стрельба очередями. Смотрю я на эту руку и думаю – если до клапана доползет, буду прыгать! Позже никак – мне ж до него через весь стол лететь!

Не доползла. На полпути где-то обвисла бессильно. Развернулся «студент» к своим и последние слова генерал-лейтенанта пересказал, не забыв их своими комментариями сопроводить.

Теперь вся троица на Линдемана уставилась, словно волки загнанные. А генерал-лейтенант неторопливо достал из кармана сигару, пошуршал ею у уха, из другого кармана кусачки особые добыл, отстриг у сигары кончик, – гауптман Ключе тут же зажигалкой щелкнул, – затаился, выдохнул облачко и сквозь дым глянул на господ президиумщиков с веселым таким прищуром – точь-в-точь как охотник на загнанного зверя сквозь прицел глядит.

– Подписывайте.

Вот это, с восхищением подумал я, настоящая аристократическая выдержка. Порода. Я б на месте генерал-лейтенанта непременно так бы рывкнул, чтобы стекла в окнах задребезжали! А он – тихо, даже можно сказать, почти шепотом.

* * *

Обер-лейтенант, когда стенограмму просматривал, довольный был, словно кот, что сметаны обожрался.

– Так, значит. О, и даже так... унтер, вы уверены, что адекватно передали смысл данного высказывания?

Я заглянул – засомневался обер-лейтенант в одной из фраз белобрысого к Гусакову, когда они уже после подписания начали с Линдемано по мелочам грызться.

– Так точно, господин обер-лейтенант. «Я этого не одобряю, и ты это учитывай» – никак эту фразу по-другому перевести не получается.

– Замечательно, – кивнул обер-лейтенант. Больше, кажется, в такт своим собственным мыслям кивнул. – Ах, товарищ Артем, товарищ Артем... просто переводчик, говорите? Нет, нам непременно надо будет познакомиться поближе...

Смотрю – он в эту стенограмму чуть ли не с ушами нырнул. Подождал минуту... вторую. В конце концов решил поинтересоваться.

– Господин обер-лейтенант, я вам все еще необходим?

Обер-лейтенант на меня удивленно так глаза поднял.

– А, вы еще здесь, унтер... да, да, вы можете идти.

Ну, я козырнул, вышел – огляделся: «ослика» нашего не видно. Я в первый момент было решил, что Вольф без меня укатил, а потом думаю – нет. Не похоже это на Вольфа – уж пару минут-то подождали бы. Прошел туда, где «ослик» стоял, к следам гусениц присмотрелся, проследил направление – ну да, стоит наш серый малыш сразу за домом, отогнали его зачем-то. И Вольф рядом с ним, как раз сигарету затаптывает.

Я подошел, как раз когда он вторую доставал. Угостился из портсигара, облокотился на капот, затянулся – хорошо! Стоим, дымим потихоньку.

– Так о чем ты, – неожиданно спросил Вольф где-то на середине сигареты, – поговорить со мной хотел?

Память у него цепкая... я аж чуть сигарету из разинутого рта не уронил – повезло, что она к губе нижней приклеилась.

Не то чтобы я сам про это забыл... но с тех пор столько всякого наслучалось! С самим генерал-лейтенантом в одной комнате... план на летнюю кампанию, опять же... в общем, ото-двинулась у меня в голове история с малышкой-русской куда-то в тыл. И сейчас, когда майор спросил, я лихорадочно попытался припомнить, что говорить собирался, а мыслей – ноль, все в стороны разбежались. Как начать хотел, чего говорить, какие аргументы выдвигать...

Можно, конечно, попросить разговор этот на позже перенести, но, во-первых, есть неслабая такая вероятность, что к нашему возвращению в расположение около майоровой палатки уже будет гауптфельдфебель Аксель дислоцироваться с рапортом соответствующим. А во-вторых, не так уж часто все-таки последнее время Вольф со мной наедине и на «ты».

Одну только задумку кое-как вспомнил.

– Вольф, – спрашиваю, – ты в детстве бродячих зверушек домой никогда не приносил?

– Нет, – спокойно отвечает Кнопке, – а что?

Только вот, перед тем как ответить, замялся он чуть-чуть, меньше чем на секунду. И на миг этот куда-то в глубь себя ушел – я такие моменты ловить выучился четко! – лицо едва заметно изменилось, взгляд цепкость потерял. Ага, думаю, значит, правильно я цель нащупал – есть попадание! Теперь можно, не меняя прицела, гвоздить, пока броню не проломаю.

– Да вот, понимаешь, подобрал я тут одного... котенка.

И выложил ему всю историю – без деталей, но с подробностями. Напоследок добавил:

– Я ведь, честно говоря, сам толком не понимаю, как меня угораздило в это дело вляпаться, но раз уж взялся – хотелось бы до конца завершить.

– И как же, – задумчиво интересуется Вольф, – ты, Эрих, себе это завершение представляешь?

– Ну, если ты разрешишь ее хоть пару недель при Гуго подержать... чтобы в себя пришла да отъелась хоть немного... а потом уж я ее пристрою.

Понятно, не к бауэрам местным... видел я пару таких «золушек», из беженков. Свиньи на том дворе в лучшем сарае жили... ну и обращались с ними соответственно – синяки на поллица... и пузо месяца так пятого. Ради *такого* с панели вытаскивать не стоит. А вот интеллигента какого-нибудь деревенского к ногтю взять, врача там, или учителя – это вполне. Договориться по-тихому, или нет, для гарантии как раз лучше побольше шуму и пыли поднять, чтобы у всей округи в памяти отложилось. Прикатить на «мамонте», власть местную дополнительно по стойке «смирно» построить, пообещать им чего-нибудь соответствующее: затейливое, но и для их уровня мышления понятное. Чтобы осознали и прониклись ответственностью. Для вящего воспитательного эффекта можно еще и сквозь сарай какой-нибудь проехать, хотя «мамонт» сам по себе наглядное пособие внушающее, то есть внушительное, никому мало не покажется.

– Пару недель...

Давно я не помнил *такого* Вольфа Кнопке. То есть с виду он как обычно, только на лбу пара складок параллельных обозначилась – но я-то чувствую, уж не знаю, шкурой ли или еще каким местом, как за этими складками сейчас начинает вычислитель жужжать. А производительность у него такая, что отрежь сотую процента да сумей к пушке приделать, и на всей траектории снарядами можно будет гвозди забивать!

Ну а я что – стою, молчу. Минут пять так напротив друг друга стояли.

– Да уж, – вздохнул, наконец, Вольф. – Задал ты мне задачу, Восса. Хоть понимаешь, как это на дисциплине скажется?

Понимаю, конечно. Как ни старайся, поползет по батальону, а то и дальше, поганый слухок, что завел майорский любимчик Эрих Восса себе личную девку и Вольф Кнопке его при этом прикрыл. Тут уж хоть выше головы прыгай – каждую поганую глотку кулаком не заткнешь.

Имеется ведь соответствующий приказ насчет женщин при подразделениях. Чтоб – ни-ни и не под каким видом. Благо для особо страждущих, вроде Баварца, возможностей вокруг – немерено. Сейчас еще более-менее цивилизация какая-то появилась – деньги берут, а год назад, в разгар Развала, натуральный обмен процветал. В городах, как сейчас помню, такса была – одна армейская буханка, в деревнях – треть канистры. Это если полюбовно договариваться, а то и вовсе по-простому обходились.

Тут, правда, другое еще есть – сам слышал, как Вольф с врачом нашим, Барухом, говорил. Санитария сейчас понятно какая – никакая. Тиф, дизентерия и прочие прелести в шикарном изобилии, сифилис подхватить проще, чем раньше насморк. Развал, одно слово. А запасы медикаментов за зиму кончились почти повсеместно, так что... может, оно б и правильное было при корпусе собственный бордель организовать, спокойнее, да только господин генерал-лейтенант подобными проблемами озабочиваться не желает.

– Понимаю. Только... пропадет ведь она, Вольф. А так – хоть шанс.

– Знаешь, Эрих, – неожиданно улыбнулся майор, – мне до сих пор казалось – узнал я тебя за эти годы от и до. Характер твой, привычки... но вот сентиментальности я за тобой не числил. Да, именно сентиментальности... Мой бог, кто бы мог подумать, что Эрих Восса способен на переживания в духе Гете!

Смутил он меня. Что уж тут ответишь?

– Случая не представлялось. Когда в прицел тушу «дятла» сквозь дым ловишь, тут уж не до «Страданий молодого Вертера». Одна только мысль в голове бьется – на гашетку нажать, прежде чем тот, *другой*, свою нажмет.

– Ладно, – принял решение майор, отулыбавшись. – Откармливай свою аристократку с моего негласного благословения. Все одно в бой скоро, а там уже опять не до... котят будет.

Надеялся я, конечно, на этот исход, но в горле все равно отчего-то перехватило.

– Спа... спасибо, Вольф.

– Кстати, – добавил Кнопке, словно спохватившись, – у меня к тебе по этому поводу тоже разговор есть.

– Слушаю, господин майор.

– Пока все еще Вольф... Ты из той части совещания, где про дополнительное развертывание говорилось, что понял?

– Ну... что пополнят нас. Техникой... и личным составом. Вот только откуда этот личный состав возьмется – не совсем понял.

– Этот личный состав, – с непонятной интонацией заговорил Вольф, – на самом деле тот еще... подарочек. В общем – батальон наш развернут в полк. Реально, правда, мы по прежним имперским штатам хорошо если на усиленный батальон потянем, но суть не в этом, а в том, что максимум должностей нам нужно своими силами заполнить, не полагаясь на вновь прибывающее пополнение. Что, как понимаешь, даже с учетом нашего нынешнего сверхкомплекта весьма и весьма проблематично.

Мне даже интересно стало, какое ж нехилое пополнение ожидается? У нас сейчас «лишних», экипажей семь наберется... ну да, семь.

– А потому, – продолжал Вольф, глядя куда-то мимо меня, – как ни жаль мне такого отличного башнера лишаться, но как командир взвода Эрих Восса нужнее будет.

Оп-па! Приехали, называется. Иду я, значит, себе в чистом поле – и тут из-за угла панцер выполняет!

У меня даже дыхалку второй раз за пару минут сдавило и голос сел, я аж на шепот перешел.

– Вольф... ты это... хорошо подумал? Ты, конечно, командир, всех насквозь видишь и меня знаешь, как собственный карман, но я-то себя тоже знаю. На панцер меня – куда ни шло, но взводный! И потом, это ж офицерская должность!

– Офицерская, – согласно кивнул Кнопке. – Только вот офицера лишнего мне на нее взять неоткуда. – И тут он неожиданно улыбнулся: – Я ведь на тебя, Эрих, перед самым Развалом рапорт для училища подал. А ускоренный, военного времени курс – как раз год с небольшим и получается.

– Ну... – развел я руками, – ну... ты, господин майор, тоже умеешь задачки задавать. Может, спрашиваю, мне еще и лейтенантские погоны полагаются?

Думал, Вольф мне сейчас ответит чего-нибудь в стиле: может, тебе сразу фельдмаршальский жезл выдать, или просто пошлет. А он искоса так на меня глянул.

– Посмотрим, *там* видно будет.

И, прежде чем я еще чего-нибудь сообразить успел, распахнул дверцу «ослика» и шофера задремавшего кулаком слегка ткнул. Тот вскинулся: «а, где, что», и – который уж раз на моей памяти – макушкой о верх кабины приложился.

В расположение мы вернулись уже под вечер. Ну и я, понятное дело, сразу к Фалькенбергу. Тот над горой мисок послеужинowych стоит, двум зеленоклювикам¹¹ – из той дюжины австрийков, что в прошлом месяце прибилась, – черпаком дирижирует.

Меня увидал – заулыбался так, что хоть на арену его выставляй вместо клоуна. И так сказать, такие разводы, как на его переднике, не у всякого клоуна есть. По ним, если у кого желание возникнет, все наши меню за последние два года отследить можно.

– А, – загудел довольно, – примчался, Восса...

– Где она?

– Восса, мальчик мой, – хрюкнул Фалькенберг, – тут такое дело... нет ее больше! Совсем нет!

И всхлипнул при этом так ненатурально, что у меня сразу от сердца отлегло. Нет, думаю, если бы и впрямь что-нибудь нехорошее приключилось – обстрел шальной, хотя какой, к свиньям, в тылу обстрел или гауптфельдфебель Аксель, – не так бы Гуго себя вел. Под кухню, конечно, прятаться не пытался бы, но рожей был бы не в пример бледнее.

– Захотелось мне, понимаешь, ребяток мясным на ужин порадовать. Непайковым. А она, как на грех, все перед глазами вертелась. Ну, я ее... это самое... и в котел. Не со зла, Эрих, ей-же-ей, само как-то вышло... зато супчик такой наваристый получился – глянь, как парни миски вылизали, до блеска.

– Вот тут-то ты, – ухмыльнулся я, – и прокололся, толстый. Потому как с этой козявки худосочной навару... блох с роты наловить, и то жирнее выйдет. В палатке?

– Там.

– Ходил кто?

– Не-а.

Нырнул я в палатку, стою, моргаю – вечер, сумерки, – и никого не вижу. Даже на миг решил, что подколот меня-таки Фалькенберг. А потом взгляделся в дальний угол – и сразу на душе потеплело.

Свернулась моя принцесса под Гугиной шинелью, так закопалась, что снаружи одна макушка белеет. Я тихонько рядом присел, рукав отогнул – эх, думаю, до чего у нее сейчас мордочка уморительная. Прямо будить неохота – сидел бы и любовался.

Забавно, кстати, – она сейчас, когда спит, совсем дитем кажется. Днем лет на пять старше выглядела.

Хотя нет, думаю, не так – не старше. По-другому. Сейчас она мягче, нежнее... но ребенком ее уже не назовешь. Кончилось ее детство. А так – просто маленькая женщина. Красивая.

В общем, поглядел я так на нее минуту-другую, встал и тихонько, на цыпочках из палатки выполз.

---

¹¹ Grünschnabel (нем.) – зеленый клюв – новичок.

Пошел в ремроту. Отловил там Михеля. Михеля, который... никак не могу фамилию его запомнить! Помню, что на «о» начинается и на «хаус» заканчивается, а вот что между, каждый раз из головы вылетает, как гильза стреляная... в общем, того Михеля, который унтер-ширмейстер¹².

Поймал его, в сторону отвел.

– Слушай, – говорю, – это у тебя ведь пуховый мешок спальный был?

– Почему был? Есть.

– Отдай.

Техник от такой наглости даже повеселел.

– Аппетиты у тебя, башнер! Больше ничего твое генеральство не желает? Как насчет пайка на две недели вперед? Или вот, слушай, может, тебе запоротый движок от панцера нужен? Третью неделю его таскаем, замаялись уже... а ты уж его местным как-нибудь сплавь или на борт вместо кроватной сетки привари, чтобы уж точно никакая «кума» не взяла.

– Серьезно, Михель. Отдай. Я... ну, то есть я, конечно, сволочь нахальная и все такое... только мне и вправду позарез нужно. Ей-ей, не пожалеешь – в лепешку расшибусь, но не пожалеешь!

– Расшибешься ты, как же... три раза, – ворчливо отозвался техник. – Или еще лучше – полыхнешь в своей консерве, и с кого должок потом требовать?

– Дашь?

– Очень серьезно надо?

– Очень!

– Ладно, – вздохнул Михель. – Черт с тобой... отдам. Но учти, Восса, если ты мне за месяц чего-нибудь этакое... адекватно ценное не возместишь, я тебя сам в лепешку расшибу, а потом еще и к ходовому катку приварю... для усиления.

– По рукам, – и, пока техник о доброте своей пожалеть не успел: – Он у тебя здесь или в палатке?

– Здесь, здесь... я до палатки третий день доползти не могу. Сейчас вынесу.

Мешок этот и в самом деле штука отличная. Прошитый аккуратно, на натуральном пуху – хоть на снегу зимой спи. Положим, сейчас, конечно, снега нет, – какой, к свиньям, в начале лета снег? – но по ночам на голой земле тоже особо валяться не рекомендуется. Остывает она к утру.

Помню, в прошлом августе такая жара была, воздух влажный, раскаленный, прямо хоть ломтями нарежай, на броне яичницу жарить можно, притронулся чуть – ожог. Мыслей всех в голове две: в тени бы, и где-то лениво, на заднем плане – как бы боеукладка не рванула.

Начал я вспоминать и едва не прошляпил, как справа, из тени, наперерез мне гауптфельдфебель Аксель вынырнул. В последний момент спохватился, мешок под левую подмышку перекинул, правой откозырял.

– А, Эрих... – вроде бы удивился Аксель, только не поверил я в это удивление ни единой секунды. Аксель просто так ничего почти не делает. Ждал он меня, а значит, знал, куда я пойду.

– Вечер добрый. Ты к Гуго? Ну и я туда же. Пойдем-ка, поговорим... как два старых кумпеля¹³.

В общем-то, до этого дня я с Акселем неплохо ладил. Он, конечно, пугало батальонное, но все ж не совсем по личным качествам – должность такая.

– Как прикажете, господин гауптфельдфебель.

Пошли мы с ним, не торопясь, друг на дружку искоса поглядывая. Не знаю, о чем в тот момент Аксель думал, а вот я шел и прикидывал, что если гауптфельдфебель – человек

---

¹² Unterschirrmeister – техник-сержант.

¹³ Kumpel – приятель, группа солдат, держащихся друг друга, именно приятели, не камерад.

умный, то спросит он меня сейчас, что это за история с девкой. Только шутка вся в том, что гауптфельдфебель, он когда умный, а когда и очень умный.

– Погода нынче хорошая, – задумчиво заговорил он. – А, Восса? Гляди, какой закат...

– Хорошая, – кивнул я. – И закат хорош. Только не люблю я закаты. У меня от этих полос багровых все время чувство, будто там, на горизонте, полыхает чего-то.

Интересно, думаю, сам все-таки гауптфельдфебель разнюхал или настучал кто? У Акселя, конечно, чутье на всякую неуставщину, как у фокстерьера, но если Гуго, когда говорил, что не ходил никто, не соврал, то... то просыпается у меня насчет одной баварской рожи нехорошее подозрение.

– Есть такое, – согласился Аксель. – Слышал про Белостокскую бойню? Ну да, откуда тебе... ты ж в начале войны еще шорты за партой протирал, а я – видел. Седьмая панцердивизия в атаку там пошла. Полнокровная, по довоенному еще штату укомплектованная – двести пять машин. И попала: панцер-артиллерийская засада, огневой мешок. Тяжелые гаубицы на прямой наводке, панцеры, по башню врытые, и АБО на флангах... семь машин из той атаки вернулись, а остальные вот так же – вдоль всего горизонта, как угли, горели.

Я решил – лучше промолчать. То есть, конечно, можно было сказать, что ни в какой школе я уже не сидел, а в мастерской вовсю шуровал. Можно, а зачем?

Полез в карман, достал «Кельн».

– Будете, господин гауптфельдфебель?

– Да уж не откажусь.

Чего в гауптфельдфебеле Акселе хорошего – так это зажигалка. Французская, массивная, корпус позолоченный, хотя... чем черт не шутит, может даже и золотой. От такой даже оберст небось прикурить не постесняется. В батальоне нашем – точно знаю! – минимум пятеро спят и видят, как бы зажигалку эту схомачить. Только сдается мне, что гауптфельдфебель Аксель их самих еще по три раза переживет.

Затянулся он, облачко в мою сторону выпустил.

– С майором ты про нее уже говорил?

– Говорил.

О чем говорил, не уточняю – имеющий глаза, да увидит. Раз я вот так, не таясь, открыто мешок для нее волоку – значит, начальственного гнева не опасаясь.

– Восса, Восса... – ласково так заговорил гауптфельдфебель Аксель. – Будь на твоём месте кто другой – отымел бы его по полной, банником от восемь-восемь на всю глубину. Но не тебя. И не потому, что ты у Кнопке в любимчиках, а потому, что дурак ты, Эрих, причем дурак честный. Ты ведь ее не для траха приволок – доброе дело тебе сделать захотелось. Так?

А ведь, думаю, и вправду – смешно, но до этого самого момента у меня и мысли подобной не было.

Попытался, чистого интереса ради, вообразить: как бы *это* у нас могло быть, и – ничего. Не складывается. Умом как бы понимаю, что, будь она раньше хоть пять раз княгиня-герцогиня, сейчас просто шлюшка дешевая, и, по идее, стоит мне глазом моргнуть... а не получается.

– Вот я и говорю, – не дождавшись от меня ответа, продолжил Аксель. – Дурак ты, Эрих Восса. Может, потому и гуляешь на свете этом без отметин да подпалин, что сам Господь за таким олухом с небес приглядывает. Ну а если так, – усмехнулся он, – то куда уж мне против Господа... и майора идти.

Я только сейчас заметил – сигарета у меня уж минуту как погасла. А я ее все из угла в угол гоняю, еще минуты две – и, наверное, жевать бы начал, словно конфету.

Выплюнул ее, смотрю – мы уже почти до кухни дошли. Аксель мне оскалился дружелюбно напоследок, шагнул было вбок – и тут меня как под руку толкнуло.

Не меня он пожалел... сказки это... перед ним таких вот Воссов за последние годы прошло – на хорошее кладбище. И не тяну я на мальчика, щенка наивного – та еще дворняга жилистая, и уж Аксель-то это знает.

Ее он пожалел.

– Господин гауптфельдфебель, – окликнул я его, – ну а все-таки... почему?

Замер гауптфельдфебель Аксель от этого вопроса, словно от окрика «Хальт». Потом повернулся, медленно так, посмотрел и ответил тихо, почти шепотом:

– Да потому, унтер, что дома у меня две дочурки остались... старшей как раз на днях семнадцать. Я и подумал – а вдруг ей тоже какой-нибудь Эрих Восса встретится?

Глава 3

Может, на мотоцикле оно и быстрее бы получилось, а только «кузнечик» мне больше нравится. И потом, с мотоциклом крюк бы пришлось делать до мостика, а на «кузнечике» раз – и напрямик, через поле. И вообще – привык я гусеницам больше доверять! Тем более что дорога знакомая – три дня назад как раз этим путем доктора нашего, господина Баруха вез, причем ночью. У мельника местного, пана Семяцкого, жена рожать надумала, тот дернулся – ближайший местный врач километрах в двадцати будет, а наш лагерь – в пяти, по темноте выигрыш во времени очень даже значимый. Так что пришлось нашему батальонному эскулапу в роли акушера побыть – ничего, справился. Ну и мельник, соответственно, за сыночка Юрия, первенца, пять мешков муки в пользу батальона, а лично герру доктору – бутыль горилки, шнапса местного. Бутыль немаленькая, раза в три больше новорожденного – так что протиркой для скальпелей своих господин Барух теперь надолго обеспечен.

Влетел в деревушку – куры в стороны так и брызнули, и только затормозил, навстречу баба несется, визжит.

– Рятуйте, люди добри! Вбивают! Изю мово вбивают!

Я вообще-то по делу гнал – отыскать ротного и доложить, что пополнение обещанное вот-вот прибыть должно. Но вспомнил, что баба эта – жена трактирщика здешнего, по-местному, шинкаря, и решил сходить, поглядеть.

Завернул за забор, смотрю, а это как раз мой ротный, оберлейтенант Розенбаум, шинкаря левой рукой за рубаху держит, а правой методично так, смачно и с чувством избивает. У того уже и шнобель давно набок свернулся, юшкой полрубахи заляпано, даже на перчатку попало, а лейтенанту все мало.

Подошел я, встал рядом – не мешать, конечно, раз оберлейтенант бьет, значит, за дело. А просто посмотреть – интересно же. «Обер Мойша», он, когда не в бою, человек исключительно мирный, даже когда ремонтников материт, и то вполголоса и уважительным тоном.

Стою, смотрю. Рядом еще пара дядкив местных встала, но разнимать не торопятся, наоборот, кивают одобрительно. Потом краем глаза блеск в лопухах засек, наклонился: бутыль полупустая посреди лужицы валяется и запах от нее... лично я бы такую отраву на тараканов лить побоялся, а ну как паров нанюхаюсь да траки откину? Эге, думаю, а ведь и «Обер Мойша» и впрямь добряк. Это ж «умышленное снижение боеспособности», саботаж в чистом виде, за такое и на яблоню можно.

С минуту еще обер-лейтенант шинкаря этого несчастного метелил, потом, наконец, перчатку разжал и тот, как стоял, точнее, болтался на перчатке этой, так мешком и осел. Розенбаум его еще сапогом напоследок приложил и ко мне обернулся.

– Вот из-за таких пархатых жидов, нас, евреев, и не любят.

И такая горечь в его голосе звучала... Я откозырял, доложил, что собирался: так, мол, и так, в пятнадцать сорок намечено прибытие техники, а в шестнадцать двадцать – прилагающегося к ней личного состава. И от себя добавил, что надо бы прежде всего насчет дележки пополнения обеспокоиться, потому как технику нам все равно чужую не дадут, а вот народ приличный растащат запросто.

Оберлейтенант руку вскинул, на часы поглядел – без пары минут два было, увидел перчатку заляпанную, скривился, начал глазами по сторонам шарить, пока я ему лист лопуха не протянул.

– По разделу пополнения, – тщательно вытирая руку, начал отвечать он, – мы все уже вчера у майора решили. Первые сливки гауптман Зиберт снимет, потом мы, ну а что после нас останется – в две первые роты. Ну и внутри роты, – тут он усмехнулся, – отбирать будем по старшинству – сначала я, потом вы, взводные, а потом остальные. – И добавил: – Меня как раз

техника больше волнует – что за хлам эта «группа сбора и восстановления» по полям наискала. Ты на машине, Эрих?

– На «кузнечике».

– Сойдет. А ты, – это уже шинкарю, – гнида лысая, если еще раз хоть одному солдату свою пейзаховку клопоморную толкнуть попытаешься... я твой шинок учебной целью назначу. Пошли, взводный.

Насчет техники ротный, как оказалось, зря волновался. Не знаю, как эти ребята из «восстановления» сумели, но машины, наши я имею в виду, а не для первых рот, выглядели, словно прямо с завода. Десять тяжелых панцеров на роту. Соответственно мой взвод – это целых три «смилодонта», версия «фу». Смилодонт, поясняю специально для тех, кто вроде меня раньше «в панцере», то бишь в естественных науках не силен, вымершая черт-те когда зверюга с клычищами неимоверной длины. Изображен на обложке соответствующего наставления. Черно-белый, правда, рисунок, да и печать не очень, но заценить зубки можно. Ну и опять же, даже самый тупой ремонтник спросонья не перепутает.

Говорят, после того как всякие обычные хищники, типа волков и львов лет за пять до войны закончились, – техники-то много, а поименовать все хочется красиво и грозно, – в Имперском Палеонтологическом институте целый отдел от мобилизаций прикрыли – всяческих ископаемых чудищ для названий подбирать. На страх врагам и к вящей радости личного состава, который через это дело тоже к науке приобщается.

Потому буду я кататься на «смилодонте», а прикрывать меня будут штурмовые орудия типа «трицератопс», они же, по-простому говоря, «триппер». Хорошо хоть, моего зверика в «сифилиса» не переиначили, а то вовсе получилось бы нечто непотребно-венерологическое.

Мне до сих пор на «смилодонтах» воевать не приходилось, – нас из средних сразу в «мамонты» пересадили. Но кому довелось, те хвалили. Простая, надежная машинка, с хорошей пушкой и подвижностью. Чего еще панцернику для счастья надо?

Позывной, правда, не очень... «Котенок-1» – ну не серьезно это.

А панцеры и впрямь как новенькие. Я, пока время было, их облазил, в одном только след и нашел. Дыра от попадания в МТО: ее, конечно, залатали, но след даже под краской виднеется. Интересы ради добыл линейку, замерил калибр: восемьдесят с пфеннигами. Значит, от бриттов подарочек вышел, в смысле, от союзнической поставки. У самих русских-то их любимые три дюйма, а дальше либо сто два, либо сто семь мымы, а восемьдесят – это английская 20-фунтовка, на «Колеснице» стоит и еще на чем-то. Два остальных – у одного внутри следы осколков заметны, а другой и вовсе без всяких видимых отметин. Я так прикинул – у него, скорее всего, башню целиком заменили.

Зато пополнение составом – просто швах!

Понимал я, конечно, что не фенриков из Куммерсдорфа нам пришлют. Но хотя бы австрийцев каких накопили...

Ага. Три раза. Русские – сплошняком!

Прошелся я вдоль этого строя раз, другой. Ну да, тот еще, откровенно говоря, контингент – а что делать? Другое меню тут не принесут.

Проще всего было, понятно, заряжающего выбрать. От него ни ума, ни фантазии не требуется, одна грубая сила – знай кидай. Углядел парня поздоровее, молодой, грудь колесом, в плечах косая сажень, стоит себе в строю и улыбается широко так, по-детски. Форма на нем новая, необмятая еще толком – из мобилизованных, видать, свежачок последнего улова. Подошел, ткнул его для пробы кулаком вполсилы по груди, эффект примерно как по лобовой плите садануть.

– Как звать?

– Рядовой Серко, пан кайзеровец.

Ох, чувствую, намагаюсь я еще с этим ясноглазым дитем природы, пока нормальной субординации выдрессирую.

– До трех считать умеешь?

– Забижаете, пан кайзеровец. Нешто мы...

– А лево от право отличаешь?

– Ну дык...

– За моей спиной, – перебил я его, – вдоль кромки леса стоит десять панцеров. Твоя задача – добежать до них и встать прямо перед третьим слева. Понял?

– Ну... добежать, а дальше?

– Дальше, – зарычал я, – стоять и ждать. Пока новое распоряжение не последует. Понял?

– А? Ну...

– Бегом!

Дальше в шеренге я еще одного занятого типа приметил. Лет тридцати, невысокий, плотный такой дядя, поверх гимнастерки кожанка накинута, но меня больше всего руки его заинтересовали. Точнее – цвет их, темный, точь-в-точь, как у наших механиков-ремонтников, которым всякая смазка, наверное, уже до самой кости въелась.

– Имя?

– Алексей Михеев.

– Панцерник?

– Танкист, – чуть заметно усмехнулся в ответ. – Приходилось. Но в основном «Джимми», разведывательная коляска от канадцев. 312-й отдельный разведывательный мотобатальон.

Голос его мне тоже понравился. Чуть с хрипотцой, спокойный, обстоятельный.

– Воевал где?

– Сначала Западный, потом Юго-Западный. Как Смута пошла – у Грищука, после – у Опанасенко. До ротного дослужился...

– А чего ж к нам решил вызваться? Понимаешь ведь, тут тебе и взвода не дадут.

– В курсе. Только, – вновь улыбнулся он, – я так прикинул, что лучше рядовым у вас, чем ротным у «синих». Для здоровья полезнее.

– Ну, это как посмотреть.

– Так и посмотреть. Снаряд в бою, он и мимо пролететь может, а вот «благодарчик» куда реже мажет, особенно когда в затылок лупит.

– На наших, в смысле, – кивнул я за плечо, – кайзеровских машинах когда-нибудь ездил?

– Один раз, три часа, трофейную «черепашу» до станции перегонял.

– Стоп. «Черепаша» – это же английское чудо, А39-й, кошмарик под восемьдесят тонн с зенитной дурой?

– Не, – покачал головой русский. – Не знаю, что там бритты насобирали, а мы так ваш средний танк типа «Фороракос» назвали. Башня у него приметная.

– Как думаешь, сколько времени на освоение новой машины у тебя уйдет?

– По-разному. Смотря как с моточасами решите.

– Тоже верно. Мехводом ко мне пойдешь?

На самом деле я уже для себя все решил: скажешь «нет», все равно тебя за рычаги посажу, но спросить – спросил.

– Пойду.

– Даже мой чересчур юный вид, – улыбнулся я, – не смущает?

– Не смущает, – серьезно отозвался Михеев. – Раз уж тебе офицерские погоны навесили, не глядя на возраст, то чего мне заглядываться? Кстати, что это за погоны такие – без звезды, но с полоской поперечной? Лейтенант?

– Фельдлейтенант¹⁴.

– Понятно.

– Что ж, – протянул я ему руку, – значит, будем под одной броней кататься. Выходи из строя и вперед. Наш панцер – третий слева. Можешь пока внутрь заглянуть, за рычаги подержаться.

Ну вот, думаю, и второй есть.

Теперь самое сложное – наводчика подобрать. А как его подберешь, если передо мной вдоль этой шеренги орлы гауптмана Зиберта из четвертой вовсю попиروвали, артиллеристы наши недоделанные. Нет, я не спорю, штурмовое орудие – вещь в хозяйстве небесполезная, и «триппер» с его морским калибром в этом смысле очень даже. Но в принципе, так сказать, обобщая, по сравнению с нормальным панцером, ублюдок ублюдком.

Еще пару раз вдоль строя прошелся – ни одного подходящего лица не засек. Сплошь рыла, мыслительной работой не отягощенные. Такого за прицел сажать – проще боекомплект заранее, перед боем, к свиньям выкинуть. Хоть какая-то выгода проистечет – скорость за счет облегчения, опять же, если «подарок» поймает, детонировать нечему.

В крайнем случае можно было бы, конечно, самому сесть – те же русские живут при экипаже из четырех и ничего. Но не знаю я, как они там живут, а как подумаю, что придется в бою одновременно цели отыскивать, обнаруженные расстреливать и еще при этом взводом управлять... не-е, ребята, не для меня это.

Пошел в третий раз, и вдруг в уголок глаза словно кольнуло. Развернулся, взгляделся... ага!

С виду он такой же замухрышистый был, как и соседи его, – зольдатык в мятой, грязной гимнастерке, волосы сальные дыбом торчат, ссадина здоровенная на скуле. А вот пальчики длинные и тонкие из ряда выбивались.

– Выйти из строя!

Вышел он. Я вокруг него обошел, как мышь вокруг приманки, мозгами пошевелил...

– Ну, отойдем в сторонку!

Отвел его не прямо к панцерам, а для начала вбок. Сели на ящики, я сигареты достал, протянул – глаза у него полыхнули, но взял одну, аккуратно, а не горстью и полпачки. Дождался, пока я щелкну, и с таким наслаждением затянулся... глаза полужакрыты, пальцы треморят слегка, что даже последнему ежику понятно – давно человек без курева маялся.

Ну, мне торопиться особо не надо – подождал, пока докурит.

– Откуда ты?

– Из Фастова.

Эге... Фастов – это весело. Тамошним «санаторием» комитетовским вся Малороссия детишек пугает. Хотя нет, не пугает – таким пугом дите можно зайкой оставить. Но решил уточнить.

– Из «черной ямы»?

– Да.

– Имя, фамилия?

– Иван... Ваня Севшин.

– А отчество?

Кажется, он уже начал подвох чувствовать. По крайней мере удивился заметно. Но из роли пока не вышел.

– Эта... Петром батяню звали.

– Ясно, – кивнул я. – Ну а со званием у вас, Иван Петрович, как дело обстояло?

Русский вздохнул... огляделся по сторонам, тоскливо так, словно собака побитая.

---

¹⁴ Feldleutenant (нем.) – полевой лейтенант.

– Закурить еще раз можно?

– Можно. – И добавил, когда он задымил уже: – Только вы, Иван Петрович, сейчас этим особенно не злоупотребляйте. А то с отвычки, да еще на фоне общего истощения организма – оно вам надо? Сколько вы без табака сидели? Полгода? Больше?

– Семь месяцев, – хрипло отозвался русский. – Да... семь месяцев и девять дней. А показалось – всю жизнь. Вчера, когда сказали, какое число, удивился страшно.

– Так какое же у вас, Иван Петрович, звание было?

– Поручик. Сто тридцать первого мотострелкового полка двадцать девятой мотодивизии поручик Севшин, – с вызовом повторил он. – Честь имею.

Ага, соображаю, мотострелок – это очень даже приятно.

– Эрих Восса. Фельдлейтенант. Четыреста девятый имперский тяжелый панцербатальон. Русский только моргнул в ответ озадаченно. А я тут же решил брать быка за рога.

– На чем катались?

– Остин-Путиловец-302-й.

– Это который башенный, с английской двухфунтовкой?

– Да. Сорокамиллиметровое Оу-Кью-Фэ.

Знакомая колупалка. Современный панцер она, конечно, возьмет разве что сверху, если летать научится. А любили ее бритты и союзникам всюду впахивали по простой причине: снарядов к ней нашлапаем, бери – не хочу. Правда, только бронебойных. Не сумели они приличный осколочный или там фугасный в сорок мэмэ запихнуть.

– В «яму», – решил спросить я чуть погодя, – как пленный «возрожденец» попали или как «бывший»?

– Как «бывший». Пленные АВРовцы... офицеры... до нас не добирались.

– Понятно. В общем, выбор у вас, господин бывший поручик, простой. Либо валите вы на все пять сторон, либо становитесь одним из нас, одним из корпуса. Если выберете второе, то могу твердо обещать, что никакие синие до вас больше не дотянутся. Но взамен придется вам в своих бывших товарищей стрелять и делать это, не задумываясь.

– А если задумаюсь... вы меня... в затылок?

– Нет. Не успею. Те самые бывшие ваши товарищи раньше всех нас достанут.

– Да уж, – задумчиво протянул Севшин. – Чтобы русский интеллигент, да не рефлексировал... ничего вы в нашей психологии не понимаете, товарищ кайзеровец.

– Господин фельдлейтенант, – поправил я. – Или просто Эрих. За «товарищей» здесь, Иван Петрович, могут и в морду дать. Так-то. Выбирайте, господин поручик. Времени у вас – пока вот эту сигаретину докурю и, – щелкнул зажигалкой, – отсчет пошел!

Русский назад откинулся, голову задрал и на облака проплывающие мечтательно уставился.

Допыхтел я, окурок затоптал...

– Ну, что решили?

– Честно, – тихо заговорил Севшин, продолжая в зенит пялиться, – неприкаянным по земле бродить надоело уже до чертиков зеленых. В АВР я не пошел, потому как в победу их не верю ни секунды – прошлого нашего не вернуть уже никак. К «синим» – не могу... даже если и не шлепнут с ходу... счет у меня к ним после «ямы». В стороне бы отсидеться – так ведь не дадут!

– Эт-точно. – У гражданской войны логика простая – кто не с нами, тот против нас.

Сам бы я, конечно, до такой красивой фразы не додумался – Вольф ее повторять любит.

– Ну а раз так, – словно бы сам с собой продолжал рассуждать русский, – то стезя наемника для меня вполне подходит.

– В смысле – остаетесь?

Севшин встал, гимнастерку одернул.

– Так точно, господин фельдлейтенант, – и отмашку коротко так ладонью дал.
– К пустой голове, панцерстрелок Севшин, – наставительно заметил я ему, – руку не прикладывают. А вообще – добро пожаловать. И – можно на «ты».

* * *

С Михеевым, как оказалось, мне больше повезло, чем я сначала подумал. В смысле догадался я, что он мехвод неплохой, а на деле вышло – хороший, даже можно добавить, очень. Я ведь поручика обрабатывал минут пять, ну семь. Чтобы за это время суметь в незнакомой машине разобраться, что да где – это, считаю, форменный талант надо иметь.

Мы как раз подходили, и тут панцер взревел, дернулся – у Серко, что перед ним тосковал, враз скука с рожи спала. Оглянулся он дико, взвизгнул, попятился, за бугорок запнулся и так кувырком полетел – только обмотки в воздухе мелькнули.

Я остановился, жду... а панцер прямо на нас прет. Зрелище, надо отметить, впечатляющее – «смилодонт», конечно, не «мамонт», у которого вдоль башни пешие моционы совершать можно, но вполне себе *schwerer panzerkampfwagen*¹⁵.

Ревет, земля дрожит, выхлоп тучей... калибр опять же, когда вот так, всеми своими нарезками на тебя глядит, прямо-таки гипнотическое действие оказывает. Поручик, по крайней мере, хоть и не драпанул вскачь, как Серко, но побледнел явственно и на шаг отступил.

Мне-то проще было. Во-первых, почти сразу сообразил, чего мехвод делать собрался. Ну а во-вторых, прикинул, на тот случай, если все же ошибся по-крупному и бывший синий ротный нас и впрямь давить собрался: места для разгона всего ничего, тем паче, тут дизель имеет место быть, а не турбина, значит, скорость он толком набрать не успеет. За пушку, подтянуться – и на броню: милое дело. А убегать в чистом поле от панцера... есть более глупые занятия на свете, но немного их.

Подкатил он, как я и ждал, почти вплотную, развернулся лихо, только земля из-под гусениц брызнула, и замер.

Я на борт заскочил, прошелся вперед, до водительского люка. Герой наш уже выглядывает, рожа довольная-довольная, показал ему, чтобы движок отрубил, чтобы не орать друг дружке, как две рыбы в аквариуме...

– Ну что, как тебе агрегат? – поинтересовался я, дождавшись полной тишины.

– Как в лучших домах Одессы, командир! Все тебе на месте, все тебе под рукой... обзор шикарнейший... сюда билеты продавать, как на курорт!

– Ну-ну.

Не стал я его восторги остужать. Соскучился человек по бронезверушкам, ну и пусть себе порадуется. Потом сообразит, что сиденье его полулежачее удобно, тут спору нет, но вот выбираться в случае чего... и не через свой передний люк, это и дурак сможет – под пулеметы-то, а через башню. «Смилодонт» вам не «мамонт», из которого спастись сущая забава – МТО спереди, в корме не люки, а ворота натуральные, хоть мотоцикл с коляской внутрь загоняй.

– Ладно, ныряй обратно и подключай переговорник. Попробуем на этом чуде имперской техники коллективно доехать, причем куда нужно, а не туда, куда доедетсся.

Перешел на башню, открыл люк, гляжу – Серко подходит, перемазанный весь. Он, оказывается, мало того, что в лужу сумел шлепнуться, так его еще при развороте присыпало хорошенько. В новенький, чистый панцер такое пугало пускать – не-е, думаю, обойдется. Разок пусть десантом прокатится, глядишь, другой раз уже и шарахаться не будет.

Подозвал его и поручика, Севшину на второй люк кивнул, а «деревне» показал, за что цепляться... ну и застрашал на всякий случай, мол, если и отсюда свалится, прикажу дать

¹⁵ *Schwerer panzerkampfwagen* (нем.) – тяжелая бронированная боевая машина, тяжелый танк.

задний и в блин раскатаю. Чушь, понятно, но этот олух так в скобу лапами вцепился, я даже засомневался на миг... нет, думаю, ерунда, не сумеет он ее от брони отодрать.

Спустился в башню, надел наушники... и по лбу себя, олуха. Экипаж-то у «смилодонта» из пяти человек, а не из четырех! И кого же у нас в супе не хватает? Правильно, радиста! А если его на месте нет, то и внутреннюю связь врубать тоже некому.

Пришлось змею из себя изображать – вниз-вперед ползти, к рации. Врубил связь, назад протиснулся.

– Значит, так, – командовал я Михееву. – Рулишь прямо вдоль леса до кромки, затем вправо двадцать и наискось через поле. Остановишься в двадцати метрах от плетня.

– Понял, командир.

Двинулись. Я тем временем двинулся к поручику.

– Тебе, Иван Петрович, как будущий инструмент?

– О да, – кивнул он, – внушает.

– Ну, – улыбнулся я, – еще бы.

Хотя... это Севшин, конечно, «мамонтову» спарку не видел, с ее автомат-зарядкой. Но и здесь, не такая уж маленькая у «смилодонта» башня, а все равно казенник почти до задней стенки доходит.

– Что ж, тогда давайте начинать знакомиться. Ка-вэ-ка 53 эль, калибра восемь-восемь. Таблицами пробиваемости я тебя сейчас утомлять не буду – скажу только, что средний русский танкер типа «дятел» или, по-вашему, «Генерал Марков» мы наживляем с километра семисот, а он нас – хорошо, если с тыщи ста. Отдельно прошу отметить – пушка стабилизирована, так же как и прицел. Спуск пушки прямо перед вами, а то, что под каблуком – это индукционник, запасной вариант, на случай, если электрика спусков медным тазом накроется.

– Прицел – Цейсс?

– Он самый, Карл Цейсс из Йены. Также вот, – ткнул я пальцем, – стереоскопический дальномер. Очень полезная штука, потому как, если ты, Иван Петрович, с ним работать выучиться не успеешь, воевать нам придется методом «Фойер-драй». Слышал?

– Нет, – отрицательно мотнул головой русский. – Не доводилось.

– Если очень коротко, то выглядит это так: я нахожу цель, смотрю дальность и, если она меньше 1000 метров, ору, что есть мочи: «Подкалиберным, огонь!»

По этой команде Серко, лось наш деревенский, кидает в лоток подкалиберный, а ты, Иван Петрович, устанавливаешь на шкале 800, наводишь и стреляешь. Дальше самое интересное: вне зависимости от того, поражена цель или нет, потому как в бою ты чаще всего ни хрена различить не сможешь, ставишь прицел на 1000 метров, орешь, «добавляю 200, огонь!» и снова стреляешь. И еще раз, без паузы – прицел на 600 метров, «Ниже 400, огонь!» и lupишь в третий раз.

– Хм, – озадаченно посмотрел на меня Иван. – Прости, Эрих, а в чем, собственно, соль этого метода?

– А в том, что у подкалиберного снаряда траектория настильная, а значит, с этими тремя установками мы нашу цель на всех дистанциях до 1000 метров накрываем *гарантированно*! Причем при хорошей практике делаем это за 20 секунд – раньше, чем в этой самой цели почесаться успеют.

По мне, так лишний снаряд в цель вкатить, оно всегда для здоровья полезно. Тем более что танкер – штука живучая и, даже когда ты в него влепил, траки от этого факта откидывать спешит далеко не всегда. Хорошо, если боекомплект рванул, большой подарок, можно хоть огонь перенести, иначе придется гвоздить, пока, как в руководстве сказано: «цель не поменяет очертания». Правда, когда потом после боя идешь смотреть – в одном четыре дыры, в другом пять... а что делать? Не загорелся – числим живым и lupим соответственно.

Опять же – подкалиберный снаряд, если в нем пристально покопаться, что собой представляет? Стержень из сверхпрочной стали, причем тонкий. Взрывчатки не несет, и вообще всего полезного, чего он в своей короткой жизни успевает сделать, – это проткнуть, что на пути попадется. А для панцера этот его тык, если габариты сравнить, примерно, как в человека тонкой спицей... шансы не так чтобы очень.

Я все же думаю, мы обойдемся без «фойер-драй». Дальномер-дальномером, но опыт мой тоже кое-чего стоит. Подтвержденный, между прочим, не один раз – секунды, чтобы «по науке» подкрутить да совместить, в бою дорого стоят... а жить хочется.

Слез с сиденья, достал из боеукладки болванку, зарядил, влез обратно.

– Ну вот, – говорю, – сейчас выедем на позицию – попробуем нашего малыша в деле.

* * *

Честно – до сих пор к отдельной палатке не привык. Как ни иду – ноги сами норовят к старой, общей, свернуть. Глупость, но вот поди ж ты...

На самом деле умная голова в штабе корпуса эту идею придумала со званием для таких, как я. Полевой лейтенант – с одной стороны, для всяких там союзников и личного состава из свежеприписанных, хоть и эрзац, но все же офицер. А с другой – и настоящие офицеры не в обиде.

Откинул полог, нырнул – Стаська вскинулась испуганно.

– Извини, – говорю, – не постучался.

– Это ты извини, – виновато улыбается она, – просто я до сих пор не могу привыкнуть.

– К чему?

– К чему...

Пока она задумалась, я на нее в очередной раз втихаря залюбовался. Интересно же, ведь на что уж наш панцерный комбинезон мешок мешком, а ей и он к личику пришелся. Там подшила, здесь ушила – и такая замечательная куколка получилась, что хоть на Имперскую Выставку отправляй.

Помню, все хотел девочке знакомой, Марте, куклу подарить. Не такую, что в лавке, с платьями из обрезков, а настоящую, голландскую, фарфоровую, в шелках, да кружевах. Только стоила та кукла в галерее на набережной...

– Стась, у тебя в детстве куклы были?

– Были, конечно.

– А какие?

– Разные, – удивленно ответила она, – большие, маленькие... у нас для них отдельная комната была, так и называлась – кукольная. Там их домики стояли. А на полу Танька, когда подросла, целую железнодорожную станцию соорудила. И потолок самолетными моделями увешала.

– А такие, которые «мама» говорят и глаза при этом закрывают, тоже были?

– Да.

– Счастливая...

Зря я это ляпнул. Сглупил. У Стаськи улыбочка с личика сразу пропала, и вся она как-то сжалась.

– Наверное... у меня было очень счастливое детство. Только я тогда этого не понимала.

– Прости.

Ведь за все эти дни о прошлом ее кроме одного раза, да и то, считай, случайно вырвалось, слова не сказал. И, по-моему, благодарна она была мне за это. Очень. А вот сейчас сглупил.

Не хотела она о себе, о том, что было, говорить. Да оно и понятно.

Кое-что, правда, вытянул – что жили они в Петрограде, в столице то есть и жили. Судя по таким вот, вроде «игрушечной комнаты», подробностям, очень даже неплохо. Из родни отец имелся, мать и минимум одна сестра... старшая.

А перед самым Развалом дернуло ее мамашу какую-то дальнюю родственницу съездить провести. И не куда-нибудь в тыл глубокий, а в Ялту. Вроде как родственнице этой врачи категорически морской воздух в качестве лекарства насоветовали... додумались. Черноморское побережье, это же, считай, прифронтовая полоса, а порой и без всяких «при». Турки, помню, обстрелами берега развлекались регулярно. Да и наши подводники тоже. Хоть в Ялте той военных объектов и было не очень, но по меркам современной войны любой порт приличный – очень даже военно-стратегическая ценность, а то, что он не прикрыт толково, еще приятнее выходит. Такой вот курорт... Конечно, официально считается, что пальба ведется «исключительно по инфраструктуре», только что-то слабо в это верится – ночью, без маяков, при затемненном берегу, да наверняка с максимальной дистанции. Тут за достижение посчитают, если снаряды в городской черте лягут. А уж инфраструктура там или жилые кварталы, это уж пусть Господь на небесах решает, рыбешек в портовой акватории шестидюймовому фугасу глушить или халупу для дачников с землей мешать.

Опять же, на «Бирмингеме» уже отстрелялись, старушка Британия вся из себя революционная, соответственно, у русских тоже начинает... попахивать. Понимающие люди этот запах улавливали.

Отец у Стаськи, похоже, был мужик из таких, понимающих – против поездочки такой возражал. Но мамаша настояла. И не одна поехала, а еще и дочурку с собой поволокла. Пусть, мол, ребенок раз за четыре года в нормальном море искупается.

Доехать они, как я понял, не успели. Добрался Развал до России, грянуло... и завертелось.

Про то, что с мамашей стало, Стаська не говорила. Но я так понял – не разбросало их в разные стороны. Другое случилось. Может, болезнь – тиф в эту зиму народ косил похлеще любой артподготовки, а то и похуже чего. Особенно в первые недели... Вольф это дело называет «разбушевавшаяся чернь», но вот по этому пункту я с командиром любимым не согласен категорически. Не в происхождении дело. Помню, прибил к нам примерно в то же время один лейтенантик, из студентов, чуть ли даже не из благородных, а через неделю, на ферме одной... Кнопке его легко отпустил – пулей в затылок, а я б его под гусеницу и медленно... он бы у меня каждый трак *прочувствовал*, мразь очкастая!

Вот чего я не понял, так это почему Стаська про отца с сестрой так же уверена. Может, конечно, встретила кого, кто знал... всякое бывает.

А я, дурак, «счастливая»...

Попытался, интереса ради, представить себе такую комнату, где одни куклы живут. Вроде как личный игрушечный магазин – все полки коробками да домиками заставлены, по полу паровозики с машинками шмыгают, а вокруг люстры цеппелин порхает. И все это – мое. А не так, что пальцем потрогать не могли – сразу приказчик появится и начнет глазами моргать, как сова чугунная перед Келлеровым особняком.

Все-таки неправы синие, когда говорят, что богатых быть не должно. Неправильно это. Кардинально – или радикально? – неправильно! Я так думаю, лучше наоборот – чтобы все богатыми были.

– Чего читаешь? – перевел я разговор на другую тему.

– То, что ты дал... про радио.

– И как?

– Потихоньку, – улыбнулась Стаська. – Боялась, что будет хуже. Я ведь немецкий специально не учила, только то, что в гимназии было, думала, в техническом тексте завязну, как муха в варенье. А оказалось – очень просто все изложено.

Еще бы не просто – для рядовых же писалось, читай, для кретинов.

– Ну-ка... – отобрал у нее книжку. – Сейчас я тебе экзамен устрою, – открыл наугад. – Скажи мне, в бою, если нет иного приказания, в каком режиме должна рация работать?

– На прием.

– Правильно.

Пролистнул пару страниц, ухмыльнулся.

– Проименуй-ка мне источники электроэнергии в бортовой сети?

Честно говоря, я-то их сам не помнил. Так спросил, «от балды», как русские говорят, и уверен был, что не ответит.

– Генератор Бош Гэ-тэ-эль-эн 900/12-1500 мощностью 0,9 кВт, четыре аккумулятора Бош емкостью 305 а/ч, – без запинки затарахтела Стаська и, прежде чем у меня челюсть отпавшая на место вернулась, добавила: – Потребителей перечислять?

– Ну... последних двух назови.

– Спуски пушки и пулеметов.

Перевернул я страницу, нужный абзац нашел.

– Точно. Стась, неужели ты всю книжечку наизусть заучила?

– Ага.

Ну что тут скажешь? Ничего. Вот и я ничего не сказал. Сдвинул берет на лоб, затылок поскреб.

– Слушай, – жалобно говорю, – ты бы хоть предупреждала, что этот... как его... вундеркинд.

– Но ведь я ничего такого особенного не сделала.

– Ну да! А два десятка страниц дурного текста на чужом языке вот так запросто выучить – это тебе так, раз плюнуть?

– В этом и в самом деле ничего особенного нет, – удивленно откликнулась моя принцесса. – Нам в гимназии иностранцы, учителя иностранных языков, намного бóльшие отрывки на заучивание давали. Английский, немецкий, французский... плюс еще латынь и греческий, но это уже для желающих.

– Звери они, видать, были, учителя ваши, форменные. Разве ж можно так над детьми издеваться?

Сам я, кроме русского, только по-английски пару слов выдать могу. Да и то – военный разговорник. What is your mission? What is attached to your company to support it? Are any losses in manpower or equipment? Answer the questions, it's your last chance to live!¹⁶

Закрыв книжку, отложил... сидим, смотрим друг на дружку, как две совы. Как бы и сказать чего-то надо, да вот незадача – слова все нужные из головы, словно гильзу стреляную, вымело.

– Эрик... что-то не так?

Отчего-то она меня с самого начала стала Эриком звать. Пару раз поправлял, а потом надоело.

– Ну, – промямлил я, – вроде того.

– Что я сделала неправильно?

Вот чего терпеть не могу – так это когда она пугается. Сразу – уголки рта вниз, личико сереет, в общем, такая маска выходит... ночью на кладбище встретишь, сам в гроб прыгнешь и изнутри заколотишься.

– Ты-то все правильно сделала. Не в этом дело.

– А в чем тогда?

---

¹⁶ Фразы, очевидно, заучены Воссой из памятки для допросов. Дословный перевод: «Ваша задача? Что придано вашей роте для поддержки? Есть ли потери в живой силе или технике? Отвечайте на вопросы, это ваш последний шанс выжить!»

Я опять, было, язык проглотил. Только... Стаська – девчонка умненькая, головкой работать не хуже, а, наверное, лучше меня умеет. Сразу печальная такая сделалась.

– Дело во мне самой? Да?

– Именно.

Не знаю, в какой момент у нас все наперекосяк пошло. Поначалу-то все, как собирался, – нашел человека подходящего: сельский врач, в смысле фельдшер, дедок на седьмом десятке, но еще вполне себе бодренький. Живет один, в домике на отшибе, а главное – единственный доктор на три деревни соседние. Такой нужный кадр при любой власти бедствовать не будет.

Мы с ним даже о цене сторговаться успели. Ему медикаменты нужны: казенные поставки еще с начала войны на три четверти сократили, а с началом Развала и вовсе... ну а мне их достать пока все-таки еще возможность есть. Пока деньги в карманах шуршат... а чего нельзя купить за деньги, можно приобрести за большие деньги. Ну а что и за большие нельзя, то порой просто взять удастся. Разумеется, если знать, где и как, да план нормальный придумывать.

Забавно, однако: лекарства, они как бы должны жизни сохранять. А вот пришли такие времена, что за ампулу пенициллина порой больше глоток режут, чем она залечить может.

Я ему еще всяких жизненных благ собирался подкинуть. Керосина бочонок, соли, спичек. Это уже б не столько деду в плюс пошло, сколько баронессочке моей – ведь хозяйство домашнее, готов спорить, тотчас, едва от меня пыль на дороге осядет, на нее взвалили бы. Разве что, думаю, схитрить и вернуться... раз пять, с хаотическими, как майор Кнопке говорит, интервалами.

А когда сказал про это Стаське, заранее, чтобы собираться начинала потихоньку, тут-то она меня и огорошила. В шахматах такой прием «ход конем по голове противника» называется.

Нет – и все! Точка! Не уйдет она никуда! На все согласна – котлы у Гуго от жира отскребать, стирать, что угодно делать, лишь бы при батальоне нашем остаться!

Признаюсь, опешил я тогда в первый момент капитально. Больше часа... ну да, час тридцать пять, как сейчас помню... разговор с этой осленкой упертой разговаривал. И так ни до чего толком не договорились. Точнее, договорились – до слез я ее довел, когда осведомился, дурак эдакий, включает ли ее «что угодно» ту профессию, которой она при нашей встрече занималась. И ведь догадывался же, кретин, что забыть она о *той* жизни пытается, загнать в глубокое «не было», а все равно ляпнул. Разрыдалась моя маркиза в три ручья, но полезной информации при этом так и не выдала ни грамма. Нет – и все, а почему, зачем и, главное, как... об этом, значит, у Эриха Воссы должна башка трещать. Ну и, как говорит Михеев, *ниче*. Она – голова, – у меня броневая, лучше всякого шлема пулю держит. Всякое выдерживала – и эту русскую девчонку свихнутую выдержит.

Тогда-то я до радиста Стася Дымова и додумался.

Дымова – это у нее фамилия такая оказалась. В смысле – Стаська мне ее назвала... на третий день пребывания в расположении. Не то чтобы я в нее сильно поверил... ну да мне, в общем-то, все равно было. Если Стаська и впрямь считает, что ее настоящая фамилия может нездоровую сенсацию произвести – верю, как говорится, на слово.

Удивительное самое было то, что Вольф, когда я к нему с этой идеей приполз, показательную порку за слабоумие учинять не стал. Эрих, говорит, ты теперь сам большой мальчик. Командир взвода. Три панцера и четырнадцать живых душ, плюс твоя пятнадцатая... и если хочешь на себя проблему вешать – твое право. А моя... обязанность – выдать тебе по полной, если ты с этой или любой другой проблемой совладать не сумеешь.

Добрый он... майор Вольф Кнопке.

Честно скажу, когда я этого Стася Дымова экипажу своему представлял, ползало чего-то многого по спине между лопаток. Положим, Серко не в счет, Севшин – он сам из «бывших», не из аристократов, правда, но интеллигент... тоже потомственный. А вот насчет Михеева у меня опасения были основательные.

Оказалось – зря. Алексей, он, конечно, парень хваткий и при этом себе на уме... та еще Springmine¹⁷.

Но если он для себя чего-то решит, то уж намертво. Вот и Стаську он просто классифицировал – женщина командира. А что подумал при этом – только он сам, да Господь на небе знает.

– Прости меня.

Тихо она это сказала, почти шепотом.

– Слушай, – предложил я ей, – твоя светлость! Может, все-таки передумаешь? Пока еще не поздно.

– Нет!

– Но почему? – это из меня уже как крик души вырвалось. – Только, – добавил сразу, видя, как княжна моя носиком шмыгать начинает, – без слез. Один раз этот номер со мной сработал, но на «бис» исполнять его не надо. Просто объясни, чего ты в наш батальон так вцепилась?

– Не в батальон. В тебя.

Тут-то у меня башня с погона и навернулась!

Все эти ночи – ну, кроме тех, когда меня на ночные учения сдергивали или сам по делам пропадал, – мы с ней в одной палатке спали. Каждый в своем мешке, и метр земли между.

Врать не буду, первые три раза ждал, что придет. Фантазии всякие конструировал... дурацкие! Что забавно, барьер тот мысленный, который я во время беседы с Акселем засек, так и висел в голове – не мог я внятно представить, как *это*

---

¹⁷ **Springmine** – мина противопехотная, осколочная, кругового поражения, выпрыгивающая. Поражение человеку (или нескольким одновременно) наносится осколками корпуса мины при ее подрыве на высоте 40–140 см от поверхности земли после подбрасывания ее пороховым вышибным зарядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.